

ДЖЕЙМС ПОНТИ

ФЛОРИАН

БЭЙТС

И ПРОПАВШИЙ
ВИОЛОНЧЕЛИСТ

Суперсыщики. Теория мелочей

Джеймс Понти

**Флориан Бэйтс и
пропавший виолончелист**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Понти Д.

Флориан Бэйтс и пропавший виолончелист / Д. Понти —
«Издательство АСТ», 2017 — (Суперсыщики. Теория мелочей)

ISBN 978-5-17-115851-4

Учиться в седьмом классе — нелегко. Работать на ФБР — ещё труднее. А делать и то и другое одновременно... Пожалуй, один лишь Юный Шерлок с изобретенной им Теорией мелочей на такое способен! Чем школьное хулиганство может заинтересовать ФБР? Ничем, если только речь не о самой элитной школе в столице. В которой, между прочим, учится дочь президента. Флориан и Маргарет внедряются в среду богатых и знаменитых, чтобы раскрыть сплетенный там заговор. Но тут дело о хулиганстве принимает неожиданный оборот, превращаясь в дело о... похищении человека.

УДК 821.111

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-115851-4

© Понти Д., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	28
Глава шестая	31
Глава седьмая	37
Глава восьмая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Джеймс Понти

Флориан Бэйтс и пропавший виолончелист

James Ponti

Florian bates 2: Vanished! (A framed novel)

Text copyright ©2017 by James Ponti

© Анастасия Иванова, перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Посвящается Ро Сtimo – искательнице улик, решательнице загадок, чемпионке среди писателей

Эта книга – художественное произведение. Все отсылки к историческим событиям, реальным личностям или местам преследуют художественные цели. Другие имена, персонажи, места и события являются продуктом авторского воображения, и любое совпадение с действительными событиями, местами или личностями, живыми или умершими, совершенно случайно.

Глава первая

«Зодиак»

Учиться в средней школе – непросто.

Распутывать дела для ФБР – еще сложнее.

А делать и то и другое одновременно – ну это просто безумие.

Поверьте, уж я-то знаю. Меня зовут Флориан Бэйтс, мне двенадцать лет, и, как и моя лучшая подруга Маргарет, я – детектив-консультант в Федеральном бюро расследований. Мы помогаем ФБР так же, как Шерлок Холмс помогал Скотленд-Ярду. Только Шерлоку никогда не приходилось закрывать дело и *в тот же вечер* писать изложение по прочитанной книге.

Не ведал он и прочих тягот жизни семиклассника. Вроде задиры в раздевалке, комендантского часа с девяти вечера или мучительного выбора одежды. Все, что требовалось Холмсу, – это надеть пальто и свое охотничье кепи. Детектив мгновенного приготовления.

А я? Такое чувство, что я вечно одет неподобающим случаю образом. Как тогда, когда нам нужно было опросить свидетеля, а я еще не снял футбольной формы. Или в тот раз, когда я щеголял в майке с надписью: «Я С ЧУБАККОЙ», а день завершился работой под прикрытием в приемной посла Франции (если кто вдруг заинтересуется: *Que la Force soit avec toi* – это «Да пребудет с тобой сила» по-французски).

Поэтому ничего удивительного, что на станции техобслуживания службы береговой охраны я оказался единственным человеком в двубортном клубном пиджаке и галстук в елочку. Моя ошибка заключалась в том, что, одеваясь для похода в симфонический зал, я не учел вероятности дальнейшей гонки по реке Потомак в полицейском катере (знаю, вы думаете, что стоило бы).

Идею насчет катера подал Маркус, который курирует команду Специальных проектов. План был действительно хорош – за исключением одной крохотной детали: нас не пустили бы на катер без особого разрешения.

Мы с Маргарет ждали у входа в офис коменданта порта, пока Риверс убеждал дежурного сержанта помочь нам. Вонь от дизеля стояла сногшибательная, машинное масло было повсюду, а увидев свое отражение в окне, я обнаружил, что галстук завязан криво.

– Что ты делаешь? – спросила Маргарет, наблюдая за моей борьбой с узлом.

– Пытаюсь его поправить. Это же виндзорский узел. Он должен быть ровно по центру.

Она окинула меня своим фирменным взглядом «Да ты что, прикалываешься?»:

– Мы стоим на верфи, вокруг бензин и сажа, а ты беспокоишься об узле на галстук?

Отчего бы не попробовать расслабиться, а? Никому до твоего галстука дела нет.

– Технически это не верфь, – поправил я. – Мы стоим на *причале*. Причал – часть *гавани*. А верфь – нечто совершенно другое.

– Серьезно? – Она покачала головой. – Ты услышал только это и теперь корректируешь мой словарный запас?

Заискивающе улыбнувшись ей, я пробормотал извинения. А потом попытался последовать ее совету – расслабиться. Но не так-то это было просто. Я и в обычный-то день, когда ничего не происходит, не особо силен в расслаблении, а сегодня день выдался никак не обычный. Нас целиком поглотило дело, о котором вот-вот должны были закричать газетные заголовки во всем мире. Дело о похищении человека.

Утром мы сели в школьный автобус, чтобы отправиться на экскурсию в Центр исполнительских искусств имени Кеннеди. И в тот момент самой большой проблемой было занять места, равноудаленные и от хулиганов на задних сиденьях, и от сопровождающих взрослых на передних. А потом один из наших одноклассников растворился в воздухе. Для шоу фокусни-

ков – самое то, да только произошло это во время симфонического концерта. Так что обстоятельства складывались так себе. А если бы разнюхала пресса – стали бы и того хуже.

Внезапно хулиганы и сопровождающие перестали быть проблемой. У нас на руках оказалось дело, которое требовалось раскрыть, и пока что удача нам не улыбалась. Каждая зацепка, похоже, только уводила от ответа. Ну а теперь, вдобавок ко всему прочему, лично мне предстояло справиться с еще одной загвоздкой.

– Могу я быть с тобой откровенным? – начал я.

– Столько времени дружим, а ты до сих пор не уверен? – поинтересовалась Маргарет. – Ты всегда можешь быть со мной откровенным. Вообще-то, только так тебе и следует себя вести со мной.

Это вызвало у меня улыбку.

– Ладно, тогда вот в чем штука: я не вполне *комфортно* ощущаю себя на плавучих транспортных средствах.

Она с любопытством взглянула на меня:

– Что ты подразумеваешь под «не вполне комфортно»?

– Они меня пугают до ужаса. С того самого дня, как я посмотрел «Титаник», – признался я.

– Знаешь, сегодня почти двадцать семь градусов. И вряд ли мы натолкнемся на айсберг.

– Да я не утонуть боюсь! А того, что у меня начнется... ну, морская болезнь.

– У тебя началась морская болезнь, когда ты *смотрел кино*?

Я неохотно кивнул.

– Ты хотя бы в лодке сидел, когда его смотрел?

– Нет. Дома. Особо яркие подробности опущу, но потом нам пришлось арендовать один из моющих пылесосов – ну, тех, промышленного размера, – чтобы очистить ковер и диван.

Мои мысли унеслись к сэндвичу с салями и кукурузным чипсам со вкусом перца халапеньо, которые встретили новый день в моей коробке с обедом. Я призадумался, не придется ли им снова явиться на божий свет в самое ближайшее время.

– Ну, пожалуй, на этот счет ты можешь не волноваться, – заметила Маргарет, заглядывая в окно офиса. – Похоже, Маркус там терпит поражение.

Хотя при разговоре мы не присутствовали, было нетрудно догадаться, в чем проблема. Служба береговой охраны относится к Центральному департаменту полиции. А Маркус работает в ФБР. Эти две стаи бдительно охраняют каждая свою территорию и редко способны взаимодействовать друг с другом нормально.

– Как думаешь, нам ему помочь?

Предложение было составлено в вопросительной форме. Но, судя по тому, что сразу вслед за этим Маргарет открыла дверь и зашла в офис, возможности ответить «нет» для меня не предполагалось.

Сержант, румяный здоровяк с пухлыми щеками и усами, будто позаимствованными у моржа, стоял за стойкой, как портье в отеле, – с таким видом, словно терпение его лопнуло.

– Но это экстренный случай, – раздосадованно сказал Маркус.

– В сотый раз повторяете, – отозвался коп. – А я не получал никаких радиосообщений. – Он мотнул головой на полицейский сканер на своей стойке.

– Это потому, что мы пытаемся решить вопрос силами ФБР и Секретной службы, – пояснил Маркус. – До сих пор мы не привлекали местную полицию.

На физиономии сержанта расцвела самодовольная улыбка:

– Вот вы сами все и сказали. Вы не хотите привлечь местную полицию. Ну а эти катера, к несчастью для вас, принадлежат именно местной полиции. Так что хорошего вам дня!

Как бы ни был силен мой страх морской болезни, я знал, что катер нам нужен, поэтому вмешался:

– А что, если бы пропал Фрэнки? Вы бы хотели, чтобы мы его искали, ведь так?

Сержант переключил внимание на меня. Вернее, прожег меня лазерным взглядом.

– Или представьте, что ваша дочка Мэдди едет с группой девочек-скаутов в поход и пропадает в национальном парке.

– Откуда ты знаешь о моих детях?

Я проигнорировал вопрос:

– Каково бы вам было, если бы парковая охрана отказалась помочь полицейским, пытающимся найти вашу дочь, только потому, что они из другого управления? Что бы вы чувствовали, если б они обошлись с вами так, как вы сейчас поступаете с нами?

К этому моменту сержант уже по-настоящему разозлился. Его щеки начали багроветь.

– Я спросил, откуда ты знаешь про моих детей!

– Табличка на вашем столе сообщает, что вы – Фрэнк Берген-старший, – объяснил я. – Значит, есть и младший. Я знаю, что вы зовете сына Фрэнки, потому что он поставил свою подпись на рисунке, приклеенном скотчем вон к тому окну. И я знаю, что ваша дочка Мэдди – скаут, потому что вы спрятали под стойку пять упаковок скаутского печенья с пометкой «Мэдди Б.», чтобы распространять его среди коллег.

Он начал что-то говорить, но меня было не сбить:

– Я вовсе не знаю ваших детей, но знаю, что вы такой отец, который развешивает рисунки сына на работе и старается помочь дочке продавать печенье. Лучший отец из всех. Поэтому я уверен, что в конце концов вы дадите агенту Риверсу ключи от катера, чтобы мы попытались спасти моего друга. Единственное, чего я не знаю, – сделаете ли вы это достаточно скоро, чтобы мы еще успели.

На мгновение комната погрузилась в тишину, если не считать громкого пыхтения сержанта, который осмысливал сказанное. Ноздри его раздувались на каждом вдохе, и он еще с пару секунд изучал меня, прежде чем неохотно хлопнуть связкой ключей о столешницу:

– Если на катере будет хоть одна царапина...

– Не будет, – заверил Маркус, сгребая ключи. – Вы хороший коп, Фрэнк. И хороший отец. Спасибо.

– Просто окажите мне услугу: найдите того паренька, – отозвался тот.

– Мы это сделаем, – пообещал Риверс, прихватывая пару потрепанных оранжевых спасательных жилетов из стопки и вручая нам. – Сделаем.

Следом за Маркусом мы вышли наружу и поспешили к катеру.

– Чисто сработано, Флориан, – заметил мой куратор, широко шагая. – Наш катер в конце причала.

Глянув на воду, я ощутил, как изнутри поднимается волна беспокойства.

– А мы уверены, что так добираться лучше всего? – спросил я, надеясь, что в моем голосе звучит желание выбрать верную стратегию, а не страх проблеяться.

– Да, по двум причинам, – отозвался Маркус. – Во-первых, это наш единственный шанс подобраться к мосту незамеченными.

Вот об этом он полицейскому не сообщил – да и, если на то пошло, никому в Бюро тоже. ФБР и Секретная служба занимались этим делом, но мы – нет. За расследование отвечала Группа быстрого реагирования при похищении детей (БРПД). От нас она не хотела никакой помощи – и совершенно, как мы полагали, напрасно.

– Во-вторых, за мостом собираются установить наблюдение, и все дороги, включая пешеходные дорожки, которые к нему ведут, будут проверять, – продолжил Риверс. – Так что они там все перекроют. Но я не думаю, что они станут проверять движение на реке. Так что, если ты прав, именно на реке нам и следует быть.

Я сглотнул, осознавая, что это небольшое приключеньице запустила моя собственная теория, и просунул голову и руки в спасательный жилет.

У катера не было какого-нибудь мудреного имени вроде «Морская душа поет во мне» или «Магия рыбалки под звездами». Он назывался просто MPDC-4. Но недостаток креатива компенсировался устойчивостью. Почувствовав под ногами почти не качающуюся палубу, я испытал облегчение.

– А знаешь, не так уж плохо, – поделился я впечатлениями, плюхаясь на пухлую набивку сиденья. – Вообще-то, тут даже почти комфортно.

– Да, жаль, что это не наш, – ухмыльнулся Маркус. – Мы берем «Зодиак».

– *Что зодиак?*

– «Зодиак», – повторил он. – Тот, что позади этого.

– Видишь? – Маргарет вытянула меня назад за проймы жилета и развернула лицом к надувной лодчонке, привязанной к корме MPDC-4: – Вот эта крохотулячка.

До сих пор слово «зодиак» ассоциировалось у меня лишь с набором астрологических знаков: Козерогом, Водолеем и остальными. Но, похоже, так называется еще и самое жутчайшее неадекватное плавсредство в мире. Мой гороскоп: грядет шторм.

– Может, нам стоило бы взять один из этих... ну, понимаете, с бортами?

Я уже не заботился о том, чтобы не выдать свой страх.

– Нам вовсе ни к чему привлекать к себе внимание, и я говорил об этом, помнишь? – поинтересовался Маркус. – Если группа БРПД заметит катер с полицейскими опознавательными знаками, который вторгается на их место преступления, они озвереют. А на этом ни одного такого знака нет. К тому же он гораздо быстрее.

– Значит, вы говорите, что он супермаленький и супербыстрый? – проговорил я, пытаюсь выжать улыбку. – Ну, это просто.

– Просто супер? – договорила за меня Маргарет.

Я начал забираться на борт «Зодиака», но Маркус ухватил меня за плечи и притормозил:

– Ты не обязан, Флориан. Я серьезно. Оставайся здесь, и я пошлю кого-нибудь подкинуть тебя домой. Вообще-то, вам обоим лучше бы остаться. Хотя и без опознавательных знаков, а есть определенный шанс, что нас заметят. А если это произойдет, кто знает, какие нас ждут неприятности за то, что мы влезли в чужое расследование. В особенности в такое крупное.

– Нет уж, – отозвался я. – Нам надо распутать это дело быстро. Как только пресса все разносит, ситуация пойдет вразнос, и это усложнит нам работу в разы. Кроме того, пропал не кто-нибудь там, а человек, которого я считаю другом. И я собираюсь идти по следу, куда бы он ни вел. Пусть для этого и придется лезть в подводную лодку или вертолет.

– Я тоже, – поддержала Маргарет. – К тому же если уж нам суждено влипнуть в неприятности, так хотя бы всем вместе.

Риверс ничего на это не сказал, но я видел, что наши ответы его обрадовали. Как ни посмотри, а мы ведь были одной командой.

Когда мы с Маргарет погрузились на борт, Маркус отвязал катер, осторожно вывел его на реку и дал полный газ. Мы помчались к мосту Кея, и галстук, развеваясь на ветру, принялся хлопать меня по лицу. Я ничего не мог с ним поделать, потому что изо всех сил цеплялся за веревочный поручень, и Маргарет, перегнувшись ко мне, заправила мой галстук в вырез жилета.

– Ты нормально? – спросила она.

Из-за рева двигателя я едва ее расслышал.

Уже начав отвечать, я вовремя остановился, осознав, что не уверен, что именно вылетит из моего рта, – слова или обед. Поэтому я просто кивнул и еще сильнее вцепился в веревку.

– Высматривайте все подозрительное! – прокричал Маркус.

– Подозрительнее нашей троицы? – откликнулась Маргарет.

Мне в лицо летело столько брызг, что глаза пришлось закрыть. Я попытался вообразить себе место преступления. Тринадцатилетний подросток исчезает в окружении десятков людей.

Никаких следов насилия, никаких следов чего бы то ни было выходящего за рамки нормы. Единственная зацепка, которую мы нашли, – это липучий листочек для заметок с тремя написанными ручкой словами: «ПОМОГИТЕ КЕЙ БРИДЖ»¹.

Катер замедлил ход, и я открыл глаза как раз вовремя, чтобы полюбоваться показавшимся впереди мостом Фрэнсиса Скотта Кея. Перекинутый через Потомак между Вашингтоном и Росслином, штат Виргиния, с реки он казался гораздо больше, чем с суши. Когда проезжаешь по нему на машине, он выглядит обычной дорогой – только проложенной поверх воды. Ведь никаких пилонов и вант на этом мосту нет. Но с нашей позиции были видны шесть массивных арок, на которых он держится.

Маркус продолжал сбавлять скорость до тех пор, пока мы не начали дрейфовать вместе с течением. Врубив свою рацию, он пощелкал каналами и в конце концов услышал переговоры агентов наверху.

– Они прямо над нами, – проговорил Риверс. – Давайте надеяться, что нас не заметили.

– Что мы ищем? – спросила Маргарет.

– Что угодно, что вызывает подозрения, – отозвался Маркус. – На воде либо на берегу. – Он мотнул головой в сторону дорожки для бегунов и велосипедистов, шедшей вдоль реки.

Мы увидели пару каяков и мужчину на сапборде², но все это подозрительным не казалось. Еще к мосту приближались два экскурсионных кораблика: один именовался «Генерал Вашингтон», а другой – «Президент Джефферсон». Оба были украшены красными, белыми и синими флагами, а также баннерами, рекламировавшими «ЗВЕЗДНО-ПОЛОСАТЫЕ ТУРЫ».

Я просканировал взглядом палубу первого, но увидел лишь фотографирующихся туристов. Когда кораблик проплыл мимо, наша лодочка закачалась вверх-вниз, и мой желудок разволновался окончательно. Закрыв глаза, я изо всех сил пытался не устроить шоу для пассажиров второго кораблика. (Представьте себе десятки туристов, снимающих меня, блюющего через борт «Зодиака».) Сфокусировав всю свою ментальную энергию на собственном животе, я пытался унять грозу, бушующую внутри. И игнорировать любое движение, а также собственное чувство никчемности. И вообще ото всего заблокироваться.

И тогда-то я услышал музыку, которая доносилась из динамиков кораблика. Мой разум был по уши занят усмирением морской болезни, но подсознание оказалось свободным – и зарегистрировало какое-то несоответствие.

Я поглядел на Маркуса с Маргарет и спросил:

– Почему на туристическом кораблике в столице США, названном в честь американского президента, играет национальный гимн Великобритании?

Оба непонимающе взглянули на меня.

– О чем ты говоришь? – спросила Маргарет.

Тут я забеспокоился, что попросту начал галлюцинировать:

– Вы пение слышите?

С мгновение они прислушивались, а затем Маргарет принялась подтягивать:

Страна моя, это о тебе!

О, сладостный край свободы, О тебе я пою...

– Нет, нет, нет, – возразил я. – Не те слова. И песня – «Боже, храни королеву».

Поскольку я рос в Европе и три года провел в Англии, этот гимн был мне хорошо знаком. Так что я начал петь ту версию, которую знал:

¹ Кей-бридж (Key bridge) – мост Кея.

² Сапборд – доска, на которой катаются стоя, по спокойной воде, управляя движением с помощью весла.

Боже, храни нашу милостивую королеву!
Многие лета нашей благородной королеве!
Боже, храни королеву!

Маркус улыбнулся, сообразив, что сбило меня с толку.

– Я и забыл: они же обе на одну мелодию, – объяснил он. – Американцы оставили музыку и написали новые слова, чтобы у песни появился совсем другой смысл.

Не знаю, виной ли тому головокружение, мой желудок, это расследование, улики, музыка или всё вместе. Но в этот миг я почувствовал волну, пробежавшую по телу. Я не мог решить, собираюсь ли я блевануть, взорвать собственный мозг или раскрыть дело здесь и сейчас. Все это просто бурлило внутри. А потом...

– Мне нужно сойти с катера, – торопливо сказал я.

– В чем дело? – встревожился Маркус. – Тебя тошнит?

– Нет, – ответил я абсолютно честно, поскольку озарение мигом исцелило мою дурноту. – Я говорил, что пойду по следу, куда бы он ни вел, и он вовсе не ведет в воду.

– Откуда тебе знать? – спросила Маргарет.

– Трудно объяснить, – отозвался я. – Но в первую очередь вы должны понять, что «Боже, храни королеву» меняет все.

Глава вторая «Высшая мера»

Еще до экскурсии, морской болезни, «Боже, храни королеву» и поисков пропавшего тинейджера я пытался найти лунный камень. Его украли из сейфа в штаб-квартире НАСА, что всего в нескольких кварталах к югу от здания Капитолия. Несмотря на несколько важных зацепок, с этим делом я бился как рыба об лед. Я сократил список возможных подозреваемых до двух человек, но доказательства в равной степени указывали на обоих. Итого: я располагал одним преступником, одним невиновным и самим собой, находившимся в тупике.

В тупике!

Я? Флориан Бэйтс? Такого просто не могло произойти. Ведь я – тот, кого называют Юным Шерлоком. Семиклассник, который помог ФБР отыскать четыре шедевра, украденных из Национальной галереи искусства. Двенадцатилетка, который вычислил, как шпионы обмениваются секретными сообщениями через пончиковую, что через дорогу от русского посольства. (Поразительно, но это происходило, когда в витрине появлялись яблочные пампушки.)

Я закрыл глаза и попытался очистить разум от всего, кроме доказательств, но под безжалостным взглядом Маргарет сфокусироваться было трудновато. Даже с закрытыми глазами я знал, что она делает. Для проверки слегка приоткрыл левый, и она тут же набросилась на меня коршуном:

– Ну что, разобрался?

– Нет, – признал я. – Но я близок к этому. Очень-очень близок.

**Подсказка детективу № 1:
повторяющиеся наречия – верное доказательство того, что
человек лжет.**

– Это хорошо. Потому что время на исходе.

– Я знаю, – огрызнулся я, безуспешно пытаюсь скрыть бессильную досаду. – Просто дай мне секунду.

– Ладно, но не больше, потому что...

Бзззз!

Задрезбезжал будильник, и она ликующе рассмеялась:

– Твое время вышло – теперь моя очередь! – Она стрелба кости и принялась трясти их в кулаке, приговаривая: – В конце концов эту партию я выиграю.

Маргарет выбросила пару четверок и как раз решала, куда ходить, когда появились мама с Маркусом. Мы сидели в подвальной комнате, которую окрестили Подземкой. Дверной проем был достаточно низок, чтобы заставить Риверса пригнуться на входе.

– У вас гость, – сказала мама.

– Хей, Маркус!

– Надеюсь, не помешал.

– Вовсе нет, – заверила Маргарет. – Вы как раз вовремя: увидите, как я разобью Флориана.

Она передвинула фишку на восемь клеточек – к зданию Верховного суда.

– Карточку с зацепкой, будьте добры.

– Никаких гарантий, что она выиграет, – заметил я, вручая Маргарет одну из синих карточек. – Я всего в одном-двух шагах от разгадки.

– Тем сильнее обломаешься, когда я тебя обойду.

Она быстро переписала что-то с карточки в свой блокнот, совершенно в своем стиле прикрывая его свободной рукой, чтобы я не подглядел.

Маркус попытался вникнуть, что за франкенштейнского монстра представляет собой наша настольная игра. Мы склепали ее сами из игральные костей, фишек, будильника и карточек из других игр. Прилепили карту достопримечательностей Вашингтона поверх доски для скрабла³ и разложили карточки по трем стопкам, помеченным: «Улика», «Подозреваемый» и «Доказательство».

– Во что вы играете? – в конце концов спросил Риверс.

– Называется «Высшая мера», – ответила Маргарет. – Мы сами ее изобрели.

– Вы изобрели игру про преступления? – покачал он головой.

– Мы пробовали играть в «Зацепку»⁴, но Флориан слишком быстро выигрывал, – объяснила она. – Так что пришлось придумать что-то посложнее.

– Игра получилась хорошая, – прибавил я. – Хотя несколько недочетов в ней все равно есть.

– Он говорит так только потому, что проигрывает, – возразила Маргарет. – Он не знает того, что знаю я. Что лунный камень был украден Джорджем Вашингтоном, который спрятал его в палате представителей!

Она вскочила, испустила триумфальное «Бум!» и принялась отплясывать победный танец.

Я дал ей насладиться моментом славы, прежде чем озвучить плохие новости:

– Извини, но Джордж никак не мог этого сделать.

– Конечно он! – Маргарет начала перечислять зацепки из своего блокнота: – Камень был украден президентом, президентом из Виргинии, который...

– ...был коротышкой, – вмешался я, показывая ей карточку доказательств. – А рост Джорджа – сто восемьдесят девять сантиметров.

Маргарет плюхнулась на место и уставилась в карточку, трясая головой от изумления.

– Как же я это упустила? – пробормотала она, перепроверя свои записи.

Я радостно сгреб кости с доски и собирался уже их бросить, но кое-что заметил и резко остановился.

– Пусть будет ничья, – предложил я.

– С чего это я должна идти на ничью? – оскорбилась Маргарет. – Я уже практически.

– С того, что Маркус здесь для того, чтобы обсудить реальное расследование, – перебил я. – А это гораздо веселее, чем эти, игрушечные.

Обернувшись, Маргарет пристально взгляделась в Риверса, и ее глаза широко раскрылись от предвкушения:

– Идет. Ничья.

– Эй-эй-эй! – воскликнул Маркус. – А с чего вы взяли, что это не обычный дружеский визит?

– Твои ботинки, – ответил я.

– И ремень, – добавила Маргарет. – Если хочешь, можем и дальше перечислять.

– Да что не так с моими ботинками и ремнем?

– Сейчас середина субботы, а на тебе темные строгие ботинки с резиновыми подошвами и ремень, достаточно толстый, чтобы удержать кобуру и рацию. – отметил я.

– Что означает, что ты на дежурстве, – продолжила Маргарет. – А если ты на дежурстве и приходишь сюда...

Я закончил фразу:

– ...то явно хочешь поговорить о деле.

³ Скрабл – настольная игра, где надо составлять слова из букв, в России известна как «Эрудит».

⁴ «Clue» (букв. «Зацепка») – американский вариант названия настольной игры «Cluedo», в которой имитируется расследование убийства.

Мы с Маргарет соприкоснулись кулаками. (*Жест неброский, однако показывающий, как мы довольны собой. Локти вверх, никакого визуального контакта, без фанатизма.*)

Маркус рассмеялся:

– Сдается, ребята, вы неплохо соображаете!

И тут Маргарет слегка перегнула палку, заявив:

– От нас ничто не укроется.

– Да неужто? – спросил Риверс. – Как же тогда никто из вас не догадался, что лунный камень украл Джеймс Мэдисон?

Через секунду я сообразил, что он говорит об игре. И еще через секунду – что он, похоже, прав. Я открыл описание дела и покачал головой, прочитав разгадку.

– Как ты мог это узнать? – Я был совершенно сбит с толку. – Ты же никогда раньше не видел эту игру.

Маркус лукаво ухмыльнулся:

– У нас было всего восемь президентов из Виргинии. Пятеро высоких, двое – среднего роста, и только в Джеймсе Мэдисоне было всего сто шестьдесят два сантиметра. К вашему досюе подходит только он.

– Вы помните рост всех наших президентов? – не поверила своим ушам Маргарет.

В ответ Риверс подмигнул и шепнул:

– Бум!

Мы поднялись в гостиную, где папа был поглощен футбольным матчем «Нотр-Дам». После коротких переговоров с мамой он убрал звук, и все стали слушать, как Маркус вводит нас в курс дела:

– Прежде всего хочу извиниться за то, что срываю вам планы на уик-энд. Но в сложившейся ситуации нам нужно действовать быстро.

– Что за ситуация? – спросил я, дрожа от волнения. – Ограбление банка? Поддельное кольцо? Пожалуйста, скажи, что международный шпионаж! Это мое любимое!

– Проказы учащихся средних классов, – ответил Риверс, и мое настроение мигом сдулось:

– А-а-а.

– Две недели назад в школе Чатэм Каунтри Дэй вандалы разломали несколько шкафчиков. Затем на прошлой неделе кто-то хакнул школьный почтовый сервер и обрушил всю систему.

Продолжения не последовало.

– Я в замешательстве, – признался я. – От нас-то ты чего хочешь?

– Работая под прикрытием, выясни, кто за этим стоит.

Я честно постарался, чтобы в моем голосе прозвучал энтузиазм, но задача была такой. незначительной!

– Почему ФБР вообще этим занимается? – спросил я. – Разве такие вопросы не должен решать завуч или директор?

– Обычно да, но...

– ...но ЧКД – место какое угодно, только не обычное, – влезла Маргарет.

– Вот именно, – подтвердил Маркус.

По-прежнему ничего не понимая, я повернулся к подруге.

– Чатэм Каунтри Дэй – самая престижная частная школа в округе, – объяснила она. – В число ее учеников входят дети кое-каких весьма влиятельных людей.

– Включая Люси Мэйс, – прибавил Маркус.

– Вы про ту Люси Мэйс, которая дочь президента? – уточнил я, начиная осознавать масштаб проблемы.

– Единственная дочь, – подчеркнул Риверс. – И что гораздо хуже, она, как минимум, косвенно связана с обоими этими случаями хулиганства. Мы не знаем, цель ли она, невинный свидетель или даже участник. Но, что бы там ни происходило, этому нужно положить конец прежде, чем ситуация накалится и перерастет во что-то, чем могут заинтересоваться новостники.

– Да! Да! Да! – завопил мой отец.

«Надо же, как он воодушевился», – подумал я. А потом заметил, что «Нотр-Дам» только что заработал тачдаун⁵, и понял, что папа отреагировал вовсе не на слова агента.

Под грозным взглядом мамы отец покорно выключил телевизор:

– Простите.

– Все трое детей адмирала Дугласа учатся в Чатэме, – Маркус говорил о директоре ФБР. – Так что директор позвонил ему напрямую и попросил о помощи в порядке личного одолжения.

– А как же Секретная служба? – спросила мама. – Разве они не должны быть при членах первой семьи неотлучно? Они не могут рассказать, что происходит?

– Это верно: они всегда при девочке, – ответил Маркус. – Но помогать нам не вправе.

– Даже если бы знали, не сказали бы? – предположил отец.

Риверс кивнул:

– Все так. Их единственная задача – защищать девочку. Если они начнут сдавать ее каждый раз, как она что-нибудь натворит, она начнет от них прятаться, а это поставит под угрозу ее безопасность. Секретную службу не зря так называют: тамошние ребята умеют хранить тайны.

– Лично я все равно не вполне понимаю, каким боком ко всему этому относимся мы, – заметил я.

– Если в школе, битком набитой детьми важных персон, начнет вести расследование ФБР – немедленно вспыхнет скандал. Так что адмирал решил, что лучший выход – чтобы вы двое отправились в школу под прикрытием и выяснили, что к чему. Как только вы обеспечите нас информацией, мы передадим ее школьной администрации, и она примет меры. Шито-крыто. Без репортеров.

– Так мы должны притвориться учениками Чатэма? – спросила Маргарет. – Вот ведь повезло, ничего не скажешь.

– Что это ты? – спросил я.

– Да я их ненавижу – вот что! Миллион раз встречалась с их ученицами на футбольных матчах. Богатенькие воображали.

– Что, прямо все? – уточнил я. – Ты не преувеличиваешь? Ну, самую капельку?

– С каждой в отдельности я не знакомилась, – отозвалась Маргарет – лишь наполовину в шутку. – Но в своей оценке вполне уверена.

– Сколько времени это займет? – спросила мама.

– Надеемся, всего неделю-другую, – сказал Маркус.

– Они пропустят много занятий в своей школе, – забеспокоилась она. – Вы помните договор, который мы заключили с адмиралом Дугласом? Флориан может помогать спасать страну только в том случае, если это не вредит его образованию. Ему нельзя не ходить в школу столько дней.

– В том-то вся и прелесть, – заявил Маркус. – В Чатэме действует международная программа бакалавриата, как и в средней школе Дил. Уроки и домашние задания сквозные. Так что эти двое едва ли что-нибудь пропустят.

– Как здорово! – саркастически проговорил я. – Не сделать домашнее задание – это же настоящий кошмар!

⁵ *Тачдаун* – игровая ситуация в американском футболе, когда атакующий игрок доставляет мяч в зону команды-противника, за что начисляются очки.

– Так, я только что кое-что вспомнила, – сказала Маргарет. – У меня проблема. В четверг после обеда я должна быть в нашей школе.

– Зачем? – спросил я.

Она немного смутилась:

– Затем, что я записалась на прослушивание для школьного шоу талантов.

Я ушам своим не поверил:

– Как вышло, что я только сейчас об этом слышу?

– Хотела сперва убедиться, что меня возьмут. А потом удивить тебя.

– Я сделаю так, что ты точно попадешь на прослушивание, – пообещал Маркус.

– Тогда я в деле, – отозвалась Маргарет.

– И я.

– Но если хоть кто из этих девчонок начнет катить на меня бочку, – пригрозила Маргарет, – получит по полной.

Маркус рассмеялся:

– Ничего другого я и не ждал.

Глава третья

Директор

Через тридцать минут после нашего прибытия на кампус я уже знал об истории школы Чатэм Каунтри Дэй больше, чем обо всех пяти школах, в которых учился на самом деле. К примеру, мне стало известно следующее.

Полковник Джон Рис Чатэм, служивший во время Гражданской войны полевым хирургом, основал школу в 1866 году.

Территория кампуса представляет собой двадцать три живописных акра, которые раскинулись вдоль парка Рок-Крик в районе Форест-Хиллз города Вашингтон, округ Колумбия.

«Основы образования в Чатэме» – это кодекс чести, который в начале каждого учебного года подписывает любой ученик.

Данными знаниями я обогатился благодаря пятиминутному видеоролику, который крутили в бесконечном повторе в комнате Основателя. Там мы с Маркусом и Маргарет дожидались, когда же директор сможет с нами пообщаться.

Первый раз или два видео впечатляло. После пятого просмотра мы уже готовы были возненавидеть все, связанное с этой школой.

– Я же говорила, они задаваки, – прокомментировала Маргарет, в то время как на экране пара свежих выпускников хвасталась тем, что в Чатэме их подготовили для Лиги плюща⁶.

Покосившись на Маркуса, я заметил, что его челюсти стиснуты, а губы сжаты в тонкую нить, – характерное для него выражение лица «я закипаю». Обычно означает, что он пытается не дать раздражению перекипеть в настоящий гнев.

– Что-то не так? – спросил я.

– Нет, – неуверенно выдохнул он. – Просто я предполагал, что фэбээровцев не принято так долго томить. Особенно с учетом того, что это *они* просили *нас* о помощи.

Хотя никто ничего на эту тему не сказал, но уже в момент нашего приезда мы ясно поняли, что вид нашей троицы разочаровал здешних сотрудников. Уверен – директор сказал помощнице, что к ним едут три агента ФБР. Так что она ожидала увидеть мужиков в костюмах и с армейской стрижкой, а не Маркуса с парой детей. Даже просьба подождать в комнате Основателя вместо приемной казалась обидной – словно нас хотели убрать с глаз долой, пока не сообразят, как избавиться от гостей.

Помимо видео комната радовала глаз дубовыми панелями на стенах, увешанными фото выпускных классов за век с лишним. Полками, ломившимися от стародавних выпускных альбомов. И – по некой необъяснимой причине – витриной с окаменелой челюстью гигантского ленивца. (Единственной окаменелостью в школе Дил была буфетчица, которая жарила картошку во фритюре.) Табличка на витрине гласила: «Образец *Megatherium*, добытый полковником Дж. Р. Чатэмом, предоставленный Смитсоновским институтом». Я пытался понять, в чем смысл этой экспозиции, когда помощница директора наконец пришла за нами и сообщила:

– Доктор Патни готов с вами встретиться.

Нас ввели внутрь впечатляющего кабинета со старинной мебелью и небольшой зоной для приема посетителей. Ничего похожего на директорский кабинет в Дил, но Патни-то был главой элитной частной школы. Люди отваливали огромные суммы денег ради того, чтобы здесь занимались с их отпрысками, и, уверен, ожидали соответствующего уровня официальности.

⁶ Лига Плюща – ассоциация восьми старейших университетов США, куда входят Гарвард, Принстон и Йель.

Патни был сложен как бегун – высокий и худой. Он носил хрустящую белую рубашку с галстуком цвета бургундского. Очки для чтения, водруженные на лысеющую макушку, придавали ему профессорский вид, а ястребиный нос внушительно выдавался вперед.

– Добро пожаловать! – сказал он, выдвигаясь к зоне для приема гостей. – Меня зовут доктор Патни, я – директор школы Чатэм Каунтри Дэй.

Приветствие было вежливым, но теплым – едва ли.

– Я специальный агент Риверс, – жестким тоном произнес Маркус. – А это Флориан Бэйтс и Маргарет Кэмпбелл. Так вам все же удалось связаться с адмиралом Дугласом?

Директор ответил Маркусу озадаченным взглядом:

– О чем вы говорите?

– Нам же поэтому пришлось прождать столько времени, так? – сказал Маркус. – Из-за того, что вы пытались связаться с ним и спросить, почему он прислал нас?

– Я сожалею, что вы так думаете, но, уверяю вас, я не пытался звонить адмиралу Дугласу, – улыбнулся директор.

Подсказка детективу № 2:

люди часто пытаются скрыть вранье, используя официальные выражения. В точности это Патни сделал в одной фразе дважды: сказал «я сожалею» вместо «сожалею» и «уверяю вас» вместо «уверяю». Лжецы вообще любят добавлять обороты вроде «уверяю вас».

– Но, раз уж вы подняли эту тему, должен признать, что я обескуражен, – продолжил он. – Когда я говорил с адмиралом в конце недели, у меня сложилось впечатление, что он предлагает мне помощь группы Специальных проектов.

– Все верно, – сказал Маркус.

Директор подождал дальнейших пояснений, но их не планировалось. Тогда он глянул на нас троих и спросил:

– Так они скоро придут?

– Мы и есть группа Специальных проектов, – с улыбкой ответил Маркус. – И, уверен, адмирал проинформировал вас, что наша роль в этом деле должна быть сохранена в тайне от всех. Включая ваш персонал, преподавательский состав и совет попечителей.

Патни снова окинул нас взглядом:

– Тогда я на самом деле обескуражен. Я предполагал, что группа будет состоять из криминалистов, чтобы незаметно искать улики, или, возможно, эксперта по компьютерам, который бы выяснил, кто взломал наш сервер.

– Криминалистическая экспертиза поможет только в том случае, если мы возьмем отпечатки пальцев у каждого вашего ученика, – сказал Маркус. – Думаете, родителям это понравится?

– Ну, нет, – признал директор. – Но.

– А что до компьютерного эксперта, то ему потребуется доступ ко всем вашим внутренним файлам, аккаунтам и базам данных.

– Но существуют ведь соглашения о конфиденциальности.

– А еще важнее, что вы не ищете криминального босса или кибервора. Вы ищете ребенка. Или группу детей. И поэтому мы предлагаем вам то, что предлагаем. Самый быстрый способ выяснить, кто хулиганит в вашей школе, – это внедрить в нее Флориана и Маргарет как учеников по обмену. Под прикрытием.

– «Под прикрытием»?! – Директор практически выплюнул эти слова. – Это не уличная банда, а престижная частная школа. Мы не можем просто позволить вам шнырять здесь и допрашивать всех подряд. Учащиеся нашей школы – совершенно особенные дети и.

- Как и их школы, – снова перебил Маркус.
- Прошу прощения? – переспросил Патни.
- Учащиеся средней школы Элис Дил. Они тоже совершенно особенные.
- О, конечно.
- Как по факту и учащиеся любой школы в Вашингтоне, – продолжил Маркус. – К примеру, школы Дюка Эллингтона на Элевент-стрит, Северо-Запад. Туда ходил я.
- Уверен, там очень мило, – снисходительно бросил Патни.
- А еще я ходил в Гарвард, – продолжил Маркус. – И в Джорджтаунский университет, где получил докторскую степень.
- Я вовсе не подразывал... – дал задний ход Патни.
- И тут ему на выручку пришел я.

Подсказка детективу № 3:
если помогаешь кому-то, кто этого от тебя не ждет, впоследствии
он с большей охотой придет на помощь тебе.

Я оценил выпад Маркуса против директорского снобизма, но мне требовалось, чтобы мы понравились Патни, чтобы он захотел, чтобы мы тут остались. И я произнес:

– Агент Риверс, думаю, директор Патни имел в виду лишь то, что многие ученики здесь находятся в исключительном положении, поскольку их родители – публичные персоны и занимают места в правительстве. В ходе этого расследования важно не выметать сор из избы.

– Вот именно! – воскликнул директор. – Только об этом я и говорил.

– Вам не о чем волноваться, директор Патни, – заверил я. – Мы будем незаметными. Мы подойдем к делу так же аккуратно, как вы подошли к своей церковной миссии. В точности как вы, приехав в Бразилию, приняли тамошние обычаи, в своей работе мы станем вести себя как гости, которые уважают обычаи и традиции Чатэма.

Маркус мне подмигнул.

– Д-д-да, – выдавил директор, пытаясь осознать, что это я сейчас сказал. – Но откуда вы узнали?

– Откуда узнал что? – уточнил я. – Что вы были миссионером? Или что были им в Бразилии?

– И то и другое.

– Благодаря ТЕМЕ.

– Теме?

– Теории мелочей, – пояснила Маргарет. – Ее суть в том, что мелкие детали часто выдают гораздо больше информации, чем вы думаете. Складывая эти детали, вы получаете неопровержимую истину. Именно так мы собираемся выяснить, кто ответственен за хулиганство. Мы с Флорианом будем использовать ТЕМЕ.

Директор смотрел то на меня, то на нее, словно мы говорили по-иностранному.

– Какие же, интересно, *мелкие детали* могли рассказать вам, что у меня была миссия в Бразилии?

– На стене за вашим столом висят ваши дипломы, – сказал я. – Они из университета Бригама Янга. Более восьмидесяти пяти процентов студентов этого университета – мормоны. А приблизительно треть мужчин-мормонов получают от своей церкви миссию.

– Хорошо, но это же означает, что остальные две трети ее не получают, – с вызовом произнес директор. – Что заставляет вас думать, что я был именно в первой трети?

– Вы есть на приветственном видео, но не только как директор, а еще и как выпускник Чатэм Дэй, – ответил я. – Но между вашим выпуском из школы и датой, когда вы получили степень бакалавра, – разрыв в целых шесть лет. Четыре года на колледж, а два – на миссионерскую работу.

– Что до Бразилии, – подхватила Маргарет, – то это легко. На дальней книжной полке стоит ваша фотография: там вам около двадцати. Вы сняты на фоне гигантской статуи Христа Искупителя, которая находится в Рио. А на столе – фото вашей семьи. Выглядит как снимок из отпуска. Там на вас желто-зеленая спортивная футболка, а любой, кто играет в футбол, знает, что это цвета национальной сборной Бразилии. Полагаю, вы стали их фанатом, пока жили там, и остаетесь им до сих пор.

С мгновение директор сидел как громом пораженный. Тогда я решил показать себя во всей красе:

– Мы здесь, чтобы помочь. Мы понимаем, что вы не можете позволить себе еще одну щекотливую ситуацию. Как с Алексис Фицджеральд.

И вот тут с директорской физиономии просто сошла вся краска.

– Черная Ведьма с Уолл-стрит? – спросил Маркус, еще не уверенный, к чему я веду, но уже приятно обрадованный. – Женщина, которую арестовали за кражу миллионов долларов из благотворительных фондов? Какое отношение она имеет к Чатэму?

– Она оплатила новый спортзал, не так ли? – обратился я к Патни. – Из краденых денег. Директор испустил долгий болезненный вздох.

– Мы ни на секунду не представляли, откуда она взяла эти деньги, – попробовал отбиться он. – И мы понемногу возвращаем их фондам, причем с процентами. Просто на это нужно какое-то время.

– Богатые детки из частной школы играют в спортзале, оборудованном на деньги, украденные у бездомных, – проговорил Маркус. – Забавно, как это я об этом раньше не слышал?

– Не знал почти никто, – директор поглядел на меня: – Кто вам сказал? Адмирал Дуглас?

– Что вы! – возразил я. – Адмирал хранит тайны, а не делится ими. Это вы мне сказали. Точнее, ваша помощница, по чьей милости мы снова и снова просматривали ваш «Добро пожаловать в Чатэм».

Еще с минутку я дал ему попотеть, а потом объяснил:

– В этом видео есть две склейки. С картинкой все нормально, а вот музыка на них прерывается. У меня была та же проблема, когда я однажды пытался смонтировать небольшое видео на своем компьютере. Редактировать видео уже после того, как наложил музыку, – реально тяжело. Из-за этих склеек стало очевидно, что из вашего ролика что-то вырезали. Кусочек интервью с Алексис Фицджеральд, верно? Вы просто убрали ее из ролика. Но не из титров. Она – единственный человек, который упомянут в разделе «Особая благодарность», но которого при этом нет на видео. Ну конечно – никто же никогда не смотрит титры. Ну, почти никто.

– Но откуда вы узнали, что она пожертвовала деньги на спортзал?

– Когда мы шли к вашему офису, мы проходили мимо зала. Я заметил, что название над входом смещено: оно не по центру. Название гласит: «Спортзал Тэйт», но справа остается слишком много свободного места. Потому что изначально там должно было висеть «Спортзал Фицджеральд». Так бывает, когда гравировать названия на мраморе: если ошибешься – исправить трудно.

– И вы поняли все это, пока ждали в комнате Основателя? – спросил Патни.

– Вообще-то, я понял гораздо больше, – зловещим тоном сообщил я.

Директор сглотнул.

– Я отыскал ее в одном из старых выпускных альбомов и выяснил, что вы учились в одном классе. И это заставило меня призадуматься. Уверен, что это вы обратились к ней, когда вам понадобились средства на спортзал. В точности как обратились к адмиралу, чтобы решить текущую проблему. И хотя вам удалось скрыть историю с Фицджеральд от прессы, совет попечителей в курсе, что это была именно ваша идея. Они винят вас. Вот почему вы не можете допустить еще одну ошибку. И вот почему мы нужны вам, чтобы справиться с этой проблемой.

На мгновение в кабинете повисла тишина.

– Не расстраивайтесь, – посоветовал Маркус. – Он постоянно так делает. – Он повернулся к Маргарет и спросил: – Повтори-ка, как ты это называешь?

– Оказаться в ТЕМЕ, – отозвалась она.

– Вот-вот, – улыбнувшись, Риверс снова повернулся к директору Патни: – Вас только что *макнули в тему*.

Глава четвертая

Доки

Наша демонстрация ТЕМЕ в действии превратила доктора Патни в совершенно другого человека. На смену враждебно настроенному снобу пришел гораздо более скромный человек, у которого была проблема.

– Давайте попробуем начать все сначала, – виновато предложил он. – Как я могу вам помочь?

– Прежде всего расскажите о двух инцидентах, – ответил Маркус.

– Конечно. Две недели назад кто-то выдавил суперклей в щели пяти шкафчиков, полностью их испортив. Такое хулиганство в школах типично, но только не в Чатэме. Но меня не слишком бы озаботил этот случай, если бы один из шкафчиков не принадлежал Люси Мэйс.

При упоминании дочери президента мы с Маргарет обменялись взглядами.

– У вас есть какие-нибудь догадки насчет того, кто бы мог это сделать? – спросил Маркус.

– Ни единой, – признался Патни. – Возможностей слишком много. Это случилось в главном коридоре, у библиотеки. И, поскольку никто из девочек не подходил к шкафчикам в промежутки между обедом и концом учебного дня, остается двухчасовое окно, во время которого это было сделано.

– Все пять шкафчиков принадлежат девочкам? – поинтересовалась Маргарет.

– Ну да, – недоуменно отозвался директор. – Думаете, это важно?

– В настоящий момент неизвестно, что важно, а что нет, – сказал Маркус. – Но любопытно было бы узнать: эти девочки – из одной компании?

– Тут я не могу вам помочь, – ответил Патни. – Социальная жизнь девочек из средней школы еще запутаннее, чем русская литература. К тому же, кроме Люси, из всех пяти я достаточно хорошо знаю только Викторию Тэйт.

– Тэйт – как фамилия, которой теперь назван ваш спортзал? – уточнил я.

– И библиотека. Семейство Тэйт – это красная нить, глубоко вплетенная в полотно Чатэм Каунтри Дэй. Собственно, Монкрифф Тэйт – председатель нашего совета попечителей.

– Мы видели его в ролике, – вспомнила Маргарет. – Отличное имя: Монкрифф Тэйт. Звучит как название юридической фирмы.

– Он – дед Виктории, – продолжил Патни. – А она представляет уже пятое поколение их семьи, обучающееся в Чатэме. И еще она была избрана школьной королевой от средних классов.

– Королева Виктория, – проворчала Маргарет.

Директор засмеялся:

– Именно так ее и называют.

– Нам понадобятся имена всех пяти девочек, – сказал Маркус.

Патни вытащил линованный блокнот и начал записывать.

– А что вы можете рассказать о компьютерном взломе? – спросил я.

– Это случилось вечером в прошлый четверг, – начал Патни. – Кто-то пробился к серверу и забивал систему спамом до тех пор, пока не обрушил ее. Наш технический эксперт не думает, что злоумышленник получил доступ к каким-либо записям, но мы все еще это проверяем.

– Есть мысли насчет того, как хакер проник в систему? – задал вопрос Маркус.

– Не просто мысли, – ответил директор. – Мы точно знаем, что он использовал «Чат-Чат».

– Что за «Чат-Чат»?

– Официальное название – «Чат-форум Чатэм Дэй». Но все называют его «Чат-Чатом». Внутренняя система обмена сообщениями для студентов и преподавательского состава. Все началось с учебного проекта, который делали на программировании несколько лет назад, и проект прижился. Теперь все им пользуются, чтобы публиковать заметки, сводки, распределять домашние задания, выкладывать фотографии – да все что угодно.

– Другими словами, у вас в школе есть собственная социальная сеть, – сказала Маргарет со смесью зависти и удивления в голосе.

– Ну да, – подтвердил Патни. – Сейчас нам пришлось вывести ее онлайн, чтобы встроить в систему средства по обеспечению безопасности для предотвращения взломов в будущем.

– И доступ к сети есть лишь у учеников и преподавателей? – уточнил Риверс.

– Верно. Приложение будет работать, только если у вас есть почтовый аккаунт Чатэма.

– Таким образом, в обоих случаях мы ищем людей из школы, – заключил Маркус. – Шкафчики были испорчены во время учебного дня, а компьютер – через закрытую школьную систему.

– На самом деле, – заметил Патни, – я думаю, что виновник – один и тот же человек.

– Какие у вас основания так думать? – спросила Маргарет, озвучивая и мои мысли. – Суперклеи в шкафчиках – это какое-то дикарство по сравнению с компьютерным взломом.

– Я бы сказал так же, если бы не вот это, – директор подошел к столу и открыл один из ящиков. – Шкафчики были испорчены в тот день, когда Почетное Национальное общество юниоров⁷ объявило о новых членах. В таких случаях на шкафчик избранного вешают специальную бирку. Вот бирка со шкафчика Люси.

Директор достал небольшой кусок синего картона с золотистыми блестками и положил на стол перед Маргарет. Мы с Маркусом наклонились поближе, чтобы тоже посмотреть. На картонке было написано: «Добро пожаловать в ПНОЮ, Люси». Но кто-то зачеркнул маркером слово «Люси» и написал поверх него «Локи».

– Локи? – спросила Маргарет. – Как брат Тора?

– Это только в кино и комиксах они братья, – сказал я. – А в норвежской мифологии Локи – бог-трикстер⁸, который любит создавать хаос.

– Ну конечно, ты это знаешь, – Маргарет стрельнула в меня взглядом.

– Он прав, – подтвердил Патни. – И наш Локи делает именно это. Создает хаос. Когда сервер был взломан, мы все получили спамовую рассылку, в которой было сказано: «Приятного дня!» И подпись – Локи.

– Значит, у вас в школе завелся трикстер по имени Локи, – я думал вслух. – Какие у него мотивы? Может, ему не нравятся те пять девочек. Может, он злится на что-то, что с ним произошло, и хочет нарушить работу школы.

– Не надо считать, что Локи – он, – заметила Маргарет. – Это может быть и девочка. Я ведь говорила, что здешние девчонки встречаются. – Сообразив, что она едва не начала злословить о школе в присутствии ее директора, Маргарет оборвала себя: – В общем, я просто хочу сказать, что это может быть и девочка.

– А у вас раньше так хулиганили? – спросил Маркус.

– Безобидные проказы – обычное дело, – сказал Патни. – Когда здесь учился я, это была практически традиция. Но с тех пор, как семь лет назад я стал директором, ничего подобного не случалось.

– Значит, нужно выяснить, что спровоцировало возобновление этой традиции, – произнес Маркус. – Что-то должно было покатыть этот снежный ком.

⁷ *National Junior Honor Society* – международная ученическая организация, куда входят главы средних школ.

⁸ В мифологии разных стран бог-трикстер – неоднозначный персонаж, который может совершать и хорошие поступки, но чаще обманывает и вредит.

– Может, Почетное общество? – предположил я. – Кого-то не приняли, и он стал завидовать Люси.

– Тогда зачем нападать на другие шкафчики и на сервер? – возразила Маргарет.

– Чтобы скрыть истинную мишень. Чтобы мотивация не была такой очевидной.

– Это возможно, – заметил Маркус.

– Мисс Стюарт – организатор от нашего преподавательского состава, – сказал Патни. – Я спрошу, злился ли кто-то из-за того, что его не выбрали.

– В разговоре с адмиралом Дугласом вы упомянули, что есть какая-то связь между Люси и обоими инцидентами, – напомнил Маркус. – Ее шкафчик был одним из тех пяти, но при чем тут компьютерный взлом?

– Мы смогли отследить хакера до странички группы школьного оркестра в «Чат-Чате», – объяснил директор. – Люси – хорошая виолончелистка. Она играет в оркестре, и у нее есть доступ к этой страничке.

– Хорошо, – сказал Маркус. – Связь довольно слабая, но нам все равно понадобятся имена членов группы. И всех, кто играет в оркестре.

Следующие полчаса мы провели просматривая расписания классов и вычисляя, как Маргарет и я можем внедриться, не пропуская собственных занятий. (Спасибо, мам!) Патни открыл на компьютере расписание Люси, и Маркус передал ему копию записей, полученную из нашей школы.

– Впечатляющие отметки, – заметил директор.

– Я говорил, что они особенные, – с гордостью заметил Маркус.

Директор посмотрел в мою папку, затем глянул на меня:

– Ты жил в Париже?

– Да. Еще в Лондоне и Риме. Моя семья много переезжает.

– Как твой французский?

– Может, и не разговорный, но близко к тому.

– Замечательно, – отозвался директор. – Люси занимается с классом интенсивного французского, который ведут в старшей школе. Все остальные там старшеклассники, но я могу тебя протолкнуть. Прочие основные уроки у вас одинаковые, так что ты сумеешь быть рядом с ней весь день.

– А как с Королевой Викторией? – спросила Маргарет. – Можете приставить меня к ней? Если она – школьная альфа-девочка, то все пакости должны крутиться вокруг нее.

Патни вывел расписание на компьютер и сравнил с расписанием Маргарет.

– Да, сходится прекрасно. Почти все предметы, кроме музыки, у вас совпадают.

– Отлично! – воскликнул Маркус. Теперь, когда мы все сотрудничали, его голос звучал гораздо приветливее.

– Я понимаю, что вам нужно хранить тайну, – сказал Патни. – Но, раз это касается Люси, мы должны проинформировать Секретную службу. У нас с ними очень плотные рабочие взаимоотношения. Чрезвычайно важные для меня.

– Я с ними уже говорил, – ответил Маркус. – Как только мы закончим беседу, я встречу с начальником охраны Люси, чтобы подробно рассказать, что мы собираемся делать.

– Чудесно! – довольно отозвался Патни и вызвал по интеркому помощницу: – Мисс Колдуэлл, вы не могли бы послать за Люси Мэйс и Викторией Тэйт и провести их ко мне в кабинет?

– Да, сэр, – отозвался интерком.

Патни снова повернулся к Маргарет и предупредил:

– Кое-что насчет Виктории. Она. Думаю, самым мягким определением станет. напористая.

– Что ж, – ухмыльнулся Маркус. – За Маргарет я спокоен.

Я ничего не смог с собой поделать и рассмеялся.

– Повторите, пожалуйста, как вы это называете? – попросил директор, пока мы ждали девочек. – Ту технику, которую использовали, чтобы вычислить, что я был в Бразилии и что Алексис Фицджеральд оплатил спортзал.

– ТЕМЕ, – сказал я. – Теория мелочей.

Он кивнул, словно поразмыслив над этим:

– Это действительно нечто.

– Это были цветочки, – заверил его Маркус. – Подождите, пока ребята развернутся по полной.

Первой пришла Люси Мэйс. Несмотря на то что я бесчисленное количество раз видел ее в журналах и по телевизору, меня все равно удивило, насколько *обычной* она выглядела. Немного повыше меня, русые волосы забраны в хвост. На Люси была школьная форма – складчатая юбка и белое поло, – а с плеча свешивался рюкзак, как у миллионов семиклассников по всему миру. На то, что это не обычный ребенок, указывало лишь присутствие агента Секретной службы, стоявшего в паре метров позади. Несомненно, он был вооружен, владел смертоносными приемами боевых искусств и без сомнений пожертвовал бы ради своей подопечной жизнью.

– Вы хотели меня видеть, доктор Патни?

– Да, пожалуйста, входи, – сказал директор. – Хочу познакомить тебя с Флорианом Бэйтсом и Маргарет Кэмпбелл. Они – лучшие ученики средней школы Элис Дил и проведут несколько недель у нас по новой программе обмена.

– Добро пожаловать в Чатэм! – приветствовала нас Люси.

– Флориан будет с тобой в одном классе по французскому, и, поскольку это уже в старшей школе, я бы попросил тебя показать ему, как туда добраться, и вообще помочь ему сегодня.

– Конечно, – согласилась она. Затем повернулась ко мне и произнесла: – Привет, я Люси.

– Флориан, – ответил я. – Рад познакомиться.

Затем Люси представилась Маргарет.

И тут появилась Виктория Тэйт.

Королева Виктория составляла яркий контраст с президентской дочерью. В отличие от Люси, которая делала все возможное, чтобы слиться со средой, Виктория стремилась продемонстрировать всем свою исключительность – насколько могла, нося форму. Она подвернула форменную блузку на талии, чтобы укоротить ее, подняла воротник и вместо рюкзака ходила с дизайнерской сумкой. А ее ботинки, как позднее обнаружила Маргарет, можно было купить только в парижском бутике.

Патни объяснил Виктории ситуацию и попросил ее стать помощницей Маргарет. Люси представилась нам обоим, но Виктория лишь окинула нас беглым взглядом. Прочитать что-то на ее лице было невозможно до тех пор, пока она не посмотрела Маргарет прямо в глаза. Несколько секунд она не отводила взгляда, а затем произнесла одно-единственное слово:

– Зверюга!

– Прощу прощения? – Маргарет шагнула к девочке, нависнув над ней. – Как ты меня назвала?

– Побереги пыл, – отозвалась Виктория. – Это комплимент.

– Неужто? – Маргарет начинала всерьез злиться. – А непохоже.

– Ты же играешь за центрального полузащитника в «ОК Динамо», так?

Это застало Маргарет врасплох. «ОК Динамо» стала лучшей девчоночьей футбольной командой в округе, и моя подруга была там звездой. Я видел, как Маргарет практически единолично победила в городском чемпионате, и подумал, что Виктория, пожалуй, вполне верно подобрала слово для комплимента.

– Да, играю, – на лице Маргарет появился намек на улыбку.

– Так и знала, что это ты, – сказала Виктория. – Мы называем тебя Зверюгой, потому что тебя никак не остановить. Ты мне в кошмарах снилась. И всем в команде.

Улыбка расцвела полностью.

– Ну, тогда порядок.

– Ты переводишься в Чатэм? – внезапно воодушевилась Виктория.

– Нет, я.

– Ты *должна* учиться у нас! – заявила девочка. – С тобой в команде мы станем непобедимыми. Будем каждый год выигрывать чемпионат.

Маргарет послала мне довольную ухмылку, которая означала, что при ближайшем рассмотрении девчонки в Чатэме, возможно, окажутся не так уж плохи.

Глава пятая

Дюсифейс

До меня дошло, что до встречи в кабинете директора я ни разу не слышал голоса Люси.

Как и почти все на планете, я знал ее по фотографиям. Одна была особенно знаменита: Люси в ярком голубом пальто присутствует на инаугурации⁹ отца. И еще та, где Люси зевает во время речи немецкого канцлера. Но на большинстве фоток она – просто ребенок из главной в стране семьи, который сходит по трапу с борта номер один или идет через лужайку Белого дома.

Вот почему меня так удивило, что она говорит с южным акцентом.

– Лучше нам поспешить, – заметила Люси, когда раздался звонок. – К мадам Тибо опаздывать нельзя, иначе она будет *трез инерви́*.

Она имела в виду, что учительница сильно разозлится.

– *Алленз-и!* – отозвался я.

То есть сказал: «Пойдем!»

Я подумал, что это отличное начало: она говорит со мной по-французски, а я отвечаю тем же. Пожалуй, к звонку на обед мы уже станем *бонз ами*¹⁰. Но, как выяснилось, я ошибся. Мы не то что не стали добрыми друзьями – к этому маленькому французскому диалогу свелось практически все наше общение в этот день.

Я быстро понял, что, хотя Люси самый известный тринадцатилетний подросток в мире, узнать ее на самом деле – задача не из простых. Я пробовал расспрашивать, пытаясь заставить ее немножко раскрыться, но она ограничивалась короткими ответами, которые не раскрывали ровным счетом ничего. Вот, к примеру:

– Что ты думаешь о Чатэме?

– Тут неплохо.

– Ребята здесь дружелюбные?

– В большинстве.

– Ты состоишь в каких-нибудь группах или клубах?

– Только в оркестре.

Я уже начал гадать: может, кто-то из пиарщиков отца посоветовал ей в любой реплике укладываться в три слова? Потому что таких примеров за день накопилось с несколько десятков. Каждый раз я ждал чего-то большего, и каждый раз она просто замолкала и шагала себе дальше на следующий урок. Быстро.

Люси всегда ходила быстро. Когда мы шли на французский, я списал спешку на нежелание опоздать. Но, следуя за ней весь остаток дня, заметил, что она вообще никогда не притормаживает, чтобы пообщаться.

Дочь президента всегда ходила по левой стороне коридора, причем рюкзак свисал у нее с правого плеча, создавая что-то вроде буфера. Так она отгораживалась от потока учеников и одновременно успевала увидеть лица тех, кто к ней приближается, чтобы свести взаимодействие к минимуму.

– Хей, Люс! – окликал ее кто-нибудь, проходя мимо.

– Привет, – отвечала она, кивая и не останавливаясь.

Подобный обмен репликами почти всегда сопровождался *люсифейсом* – так я обозначил выражение, которое появлялось на лицах у людей. Выйдя из поля ее зрения, некоторые улы-

⁹ *Инаугурация* – торжественная церемония вступления в должность главы государства.

¹⁰ *Bons amis* (фр.) – добрыми друзьями.

бались, другие закатывали глаза, многие перешептывались с друзьями. И никто не стеснялся незнакомца – то есть меня, – тащившегося в нескольких шагах позади девочки.

Из-за люсифэйса было тяжело вывить потенциальных подозреваемых. Я искал кого-то, кто бы вел себя рядом с Люси не вполне обычно. Кого-то, кто мог бы оказаться Локи или, по меньшей мере, указал бы на связь между нашим трикстером и президентской дочкой. Но не вполне обычно вели себя почти все, и никто в отдельности не казался особо подозрительным.

Первую кандидатуру я обнаружил методом «от противного». Ее звали Бекка Бэйкер, и, в отличие от всех прочих, она совершенно никак не реагировала на Люси. Хотя на французском они сидели рядом, Бекка ни разу не посмотрела в ее сторону. Когда Люси делала доклад и на нее, естественно, было обращено все внимание класса, Бекка уставилась на доску.

Такое поведение еще не делало ее виновной, но выделяло из числа прочих, а я отчаянно нуждался в подозреваемых. Сидя прямо за Люси, было удобно наблюдать за Беккой, не подавая виду. Она носила с собой небольшой черный кофр для музыкального инструмента, в котором лежала либо флейта, либо пикколо¹¹, а ее рюкзак украшало лого Стэнфордского университета. Среди книг у нее в рюкзаке я заметил порядком потрепанную «Мифологию Булфинча»¹², а еще я мог сказать, что она – гермофоб¹³, поскольку на моих глазах использовала антисептическую жидкость трижды, притом что ничего такого уж грязного не трогала.

Особенно ценными были наблюдения насчет инструмента (если Бекка играла в оркестре, то имела доступ к их группе в «Чат-Чате») и книжки Булфинча (если она любитель мифологии, это может объяснять выбор ника Локи). Ничего сильно криминального ни в том, ни в другом я не видел. И все же, притворившись, что пишу эсэмэс, попытался сфоткать ее, когда мы выходили из класса. Но в самый ответственный момент Бекка отвернулась, и мне достался снимок ее затылка.

В спортзале, наматывая круги по площадке, я никаких подозреваемых не нашел. Люси бежала спокойно и собранно, а я старался не отставать. Но всякий раз, когда я подбегал достаточно близко, чтобы что-то ей сказать, она прибавляла ходу и отрывалась. Не знаю, специально ли. Может, ее просто веселили мои попытки ее догнать. В итоге я вымотался и последние десять минут шел обычным шагом. При этом я не мог не заметить, что все прочие бегут или шагают маленькими группками, болтая друг с другом, чтоб было повеселее. И только Люси бежит сама по себе.

Это начинало меня печалить. Казалось, Люси со всеми дружелюбна, но не дружит ни с кем. Все взгляды постоянно были направлены на нее, но она никак не могла знать, что за ними стоит. И, как ни противно это признавать, хуже всех прочих был я: агент под прикрытием, засланный сюда для того, чтобы в буквальном смысле шпионить за ней.

К моменту, когда мы пересекали внутренний дворик, идя на обед, мое чувство вины достигло предела. Я должен был что-то предпринять. И по какой-то причине решил, что лучшее, что я могу сделать, – это опозориться по полной.

– Однажды на американских горках я так напугался, что заплакал, – выпалил я.

Уверен, она услышала, но никак не отреагировала. Просто шла дальше. Ну и пожалуйста, я все равно продолжил:

– Вышло жалостно. Знаешь эти сувенирные фотки, которые тебе отправляют, когда выходишь из аттракциона? На моей: все вокруг вопят с заданными к небу руками, а я хнычу, как младенец.

Люси остановилась и озадаченно посмотрела на меня. Но по-прежнему ничего не говорила, так что я просто болтал дальше:

¹¹ Пикколо, или флейта-пикколо, – малая флейта, разновидность обычной.

¹² Сборник греческих мифов в популярном изложении, названный по имени составителя – Томаса Булфинча.

¹³ Гермофобия – боязнь микробов.

– А всякий раз, когда я захожу в общественное место, я пытаюсь вычислить, в каком уголке лучше спрятаться, если случится зомби-апокалипсис. Думаю, ожившие мертвецы будут шарить по туалетным кабинкам и кладовкам, так что я обычно соображаю, как залезть на раковину, чтобы оттуда забраться на подвесные потолки. Там они точно искать не догадаются.

Тут наконец она заговорила:

– И ты рассказываешь мне это, потому что.

– Потому что, наверное, странно постоянно видеть незнакомых людей, которые все о тебе знают, но о которых ты сама не знаешь ничего. Так что я подумал – надо рассказать тебе парочку самых постыдных своих тайн, чтобы немного сравнять счет.

Склонив голову набок, Люси изучала меня с секунду. Мне не удавалось понять, оказалось ли мое признание гениальным ходом или просто пополнило ее список неуклюжих попыток вступить с ней в контакт.

– Ты закончил? – спросила она.

– Для начала, наверное, достаточно.

Она кивнула, и мы продолжили шагать к кафетерии.

– Ой, чуть не забыл! – прибавил я. – Я жутко боюсь лягушек, потому что они способны прыгать в шести разных направлениях, из-за чего невозможно предсказать, с какой стороны тебя атакуют. – Конец фразы я подчеркнул, слегка передернув плечами.

Люси не останавливалась, но я видел, что она проводит в уме подсчеты. В конце концов она снова остановилась и повернулась ко мне.

– Вперед, назад, вправо, влево и вверх, – перечислила она, загибая пальцы. – Это пять направлений. Какое шестое?

– Одновременно назад, вверх и под углом, – объяснил я, показывая этот маневр рукой. – Прямо как ниндзя. И это страшнее всего, потому что тебе кажется, что ты в полной безопасности, – и тут... бум! Лягушачья атака.

В первый раз за весь день я увидел ее настоящую улыбку.

– Ты не совсем нормальный, да?

Уже целых пять слов. Это прогресс.

– Не-а, – заверил я. – Совсем-совсем нет.

Ее поза поменялась. Всего чуть-чуть, но я заметил.

– Ладно, вот тебе несколько подсказок по выживанию в кафетерии, – проговорила Люси, взглянув на дверь. – Пицца ничего. Бургеры нормальные, если залить кетчупом. Всего остального опасайся. Особенно рыбных палочек. Здесь их называют «Нептун-нагетсы», чтобы звучало мило. Но ходит слух, что Управление по надзору за качеством пищевых продуктов запретило называть их рыбными палочками, поскольку то, из чего они сделаны, рядом с рыбой и не лежало.

– Полезная информация, – сказал я. – Буду придерживаться пиццерийской диеты. А ты?

– Я сегодня без обеда. Запрусь в репетиционной комнате с виолончелью и позанимаюсь. На следующей неделе у нас важное выступление, так что мне нужно практиковаться, практиковаться и практиковаться. После звонка буду ждать тебя здесь же. У нас обоих алгебра шестым уроком.

– Отлично. Буду на месте.

– Значит, увидимся. – Она развернулась и сделала несколько шагов, а затем обернулась через плечо и предупредила по-французски: – *Аттансьён о грину!*¹⁴

Я улыбнулся и ответил:

– Не волнуйся. Я всегда остерегаюсь лягушек.

¹⁴ *Attention aux grenouilles!* (фр.) – Остерегайся лягушек!

Глава шестая

Спасительный звонок

Чатэмский кафетерий выглядел посимпатичнее нашего, в Дил, но в нем была та же самая столовая зона, от запаха которой воротит с души учеников всего земного шара. Видимо, некоторые вещи даже дорогостоящее обучение замаскировать не в силах. Я взял ломтик пиццы пепперони и начал искать себе местечко, когда услышал из-за спины голос:

– Ну что, решил загадку?

Я повернулся к Маргарет, которая держала в руках свой ланчбокс.

– И близко не подошел, – признался я. – Собственно, у меня такое чувство, что сейчас я знаю еще меньше, чем когда мы начали.

– Да что это с тобой? – пошутила она. – Сперва я тебя делаю в «Высшей мере», и теперь ты снова в тупике. Теряешь хватку, Бэйтс.

– Поправочка. Ты не сделала меня в «Высшей мере». Мы пошли на ничью, а потом нас обоих глупейшим образом сделал Маркус со своей догадкой. А сегодня дело сложное. Реально сложное.

– Какая из себя Люси?

– Кажется, приятная. Тихоня, так что трудно понять наверняка. Я никак не мог заставить ее приоткрыться хоть чуточку. Впал в такое отчаяние, что был вынужден рассказать историю о своих рыданиях на американских горках.

– Оу-у-у, обожаю эту историю, – проговорила Маргарет. – Если хочешь, принесу ту сувенирную фотку, покажешь ее Люси.

– Я все еще недоволен, что ты ее купила.

– Шутишь? Я там со вскинутыми руками ору на разрыв легких. А ты трешь глазки кулачками. Это моя любимейшая фотография всех времен, – заявила она. – Кстати, где сама Люси?

– Занимается виолончелью, – ответил я. – Что означает, что у меня перерыв на обед.

– Класс! Пойдем, посидишь со мной и Тори.

– Кто этот Тори?

– Виктория Тэйт.

– *Королева Виктория* внезапно стала *Тори*? – недоверчиво переспросил я. – Этим утром чатэмские девчонки были воплощением зла, а теперь вы уже лучшие подруги?

– Я работаю над делом. И готова на любые меры, которые потребуются, чтобы его закрыть, – защищалась Маргарет. – Да и не такое уж она чудовище.

– И это говорит Зверюга, – подколот ее я.

– Никому другому я в этом не признаюсь, но эта кличка мне вроде как даже нравится. Представь, девчонки, которых я никогда даже не видела, меня боятся! Думаю об этом – и так уютно на душе становится...

Тори с тремя подружками сидели посередине кафетерия, словно они – центр Вселенной и все в школе вращается по их гравитационным орбитам. Они улыбнулись, увидев подходящую Маргарет, но, сообразив, что я тоже иду к ним, одарили меня подозрительными взглядами.

– Ничего, если мой друг к нам присоединится? – поинтересовалась Маргарет, ставя их в трудное положение.

– Любой твой друг – мой друг, – с фальшивой улыбкой отозвалась Виктория. – Еще раз: как тебя зовут?

Меня охватила необъяснимая тяга произвести джеймс-бондовское впечатление:

– Бэйтс. Флориан Бэйтс.

(Новый пункт в списке неуклюжих попыток вступить в контакт.)

Каким-то образом Виктории удалось одновременно рассмеяться и закатить глаза. Я сел и быстро оглядел лица остальных за столом. Работа двух девочек, Мэллори и Лорен, судя по всему, заключалась в том, чтобы уделять безраздельное внимание Виктории. Они были готовы смеяться каждой ее шутке и соглашаться с любым ее утверждением.

Еще здесь был Гюнтер – высокий, с резкими чертами лица, – который выглядел скорее как модель, чем как ученик средней школы. Весь обед он просидел, с нечеловеческой скоростью набивая сообщения на смартфоне. В какой-то момент я испугался, не запыхают ли его пальцы.

– Я как раз говорила всем, как было бы здорово, если бы тебя перевели в Чатэм, – сказала Виктория Маргарет.

– Ты просто должна перевестись, – поддакнула Мэллори.

– Было бы эпично, – добавила Лорен.

Гюнтер на секунду оторвался от своего сообщения, поднял взгляд и кивнул.

– Спасибо, – ответила Маргарет. – Но мне нравится в Дил.

Все поглядели на нее, словно ждали самого смешного места в анекдоте. Конечно, она это не всерьез. Как кому-то может нравиться в Дил больше, чем в Чатэме? В этот момент я почувствовал тычок в висок.

– Это мое место, – буркнул кто-то.

Обернувшись через плечо, я увидел парня, которого уже заметил на уроках. Поскольку руки у него были заняты подносом с едой, мое внимание он привлек с помощью локтя.

– Вон с моего места! – с нажимом повторил он. – В чем дело? Ты глухой, что ли?

– Мне сказали, что я могу сесть сюда, – ответил я, а затем кивнул на пустое место в конце стола: – Почему бы тебе не сесть вон туда?

– Потому что там – не мое место. А тут – мое.

Виктория с друзьями захихикали, и мне стало ясно: они знали, что это произойдет, когда разрешали мне сесть здесь.

– Ладно, – ответил я. – Я не знал. Пересяду.

Маргарет уставилась на меня, но я просигналил, что все в порядке. Подняв поднос, я передвинулся в конец стола и оказался рядом с Лорен, которая тут же отодвинулась, словно мой недостаток крутизны мог оказаться заразным.

– Тэннер, это Маргарет и Флориан, – представила нас Тори. – Маргарет совершенно потрясающе играет в футбол, а Флориан.

Она запнулась, не зная, что сказать обо мне, и Тэннер радостно заполнил паузу:

– ...Таскается следом за Лузершей Люси, как щенок, – ухмыльнулся он. – Хочешь быть новой шавкой в Белом доме?

– Тэннер! – укорила Виктория, хотя по лицу было видно, что ее это позабавило. – Они – гости.

– Не я их приглашал. И потом – он же понимает шутки. – Парень повернулся ко мне: – Шутки понимаешь или как?

Буду откровенным. В этот момент я конкретно ненавидел задиру Тэннера. Но я испугался, что Маргарет сейчас съездит ему по роже, а мне этого не хотелось. Мы работали под прикрытием и не нуждались в излишнем внимании.

– Конечно, – я постарался выжать из себя улыбку. – Что может быть лучше хорошей шутки?

Следующие десять минут я тихонько изучал компанию за столом. Пришлось бы сделать гигантское усилие, чтобы предположить, что мозг преступной операции – Мэллори, Лорен или Гюнтер. Хотя, будь этим мозгом Виктория, не сомневаюсь, они бы сделали все, что она прикажет.

Если Виктория считалась королевой средней школы, то Тэннер определенно претендовал на роль короля. Он был привлекательным, крупнее большинства сверстников и с безупречно лохматой стрижкой. На костяшках его левой руки я заметил ссадины и гадал, не появились ли они от лупцевания семиклассников-недоростков вроде меня.

Тэннер явно и неприкрыто ненавидел Люси. Говоря о ней, он все время использовал невероятно остроумную кличку Лузерша Люси. Впрочем, большую часть времени он трепался о лакроссе¹⁵.

Застольная беседа протекала довольно вяло, пока Виктория не спросила Тэннера:

– Ты готов к тесту по алгебре?

– Какому тесту?

– На следующем уроке. У нас тестирование по всей теме.

– Не-а, – Тэннер сверился с мобильником. – Мисс Кертис всегда скидывает напоминалку в «Чат-Чате».

Я не смог удержаться и засмеялся. К несчастью, достаточно громко, чтобы он услышал.

– Что смешного? – Фокус раздражения Тэннера резко сместился на меня.

– «Чат-Чат» прикрыли из-за атаки на электронную почту, – сказал я. – Я туда даже не заходил, а и то в курсе.

Теперь Тэннер был сконфужен и зол.

– Он прав, – заметила Тори. – Сеть уже несколько дней не работает. И через двадцать минут у нас тестирование.

Мистер Круть внезапно впал в панику:

– Я не могу завалить тест. Я и так на испытательном сроке. Если отметки еще ухудшатся, мне не дадут играть в лакросс.

Очевидно, это была убийственная новость, потому что Лорен с Мэллори хором ахнули. Боюсь, я показался невежливым: пока Тэннер переживал свою паническую атаку, я довольно чавкал пиццей. Он просверлил меня взглядом, словно собираясь что-то сказать, но только сжал кулаки. Бедняге никак не хватило бы времени подготовиться к тестированию.

Не произнеся ни слова, Тэннер вскочил с места и вылетел из кафетерия.

Оставшиеся принялись обсуждать, как же будет ужасно, если он не сможет играть в лакросс, словно игра Тэннера – настоящий дар небес человечеству. Но вскоре разговор вернулся к попыткам уломать Маргарет перевестись. (Ничего удивительного, что убедить меня сделать то же самое никто не пытался.)

Приканчивая пиццу, я обвел взглядом кафетерий, выглядывая что-нибудь, заслуживающее внимания. Доев, встал, чтобы уходить.

– Ты куда? – спросила Маргарет.

– Пожалуй, пойду побуду немного в ТЕМЕ, – с легкой улыбкой ответил я.

– Звучит *нереально* интересно, – прикололась Виктория, радуясь моему уходу.

– Подожди меня, – сказала Маргарет.

Остальные оцепенели. Они не могли поверить, что Маргарет предпочтет меня им.

– Но мы собирались еще порассказывать тебе о Чатэме... – протянула Виктория.

– Как-нибудь в другой раз расскажете. – Маргарет встала и вышла за мной в патио.

Подождав, пока мы выйдем из зоны слышимости, она спросила:

– Мы действительно собираемся заняться ТЕМЕ? Или ты просто хотел их подколоть?

– А одновременно это можно делать?

Мы рассмеялись, и я в очередной раз подумал, как же мне повезло обзавестись такой подружкой. Взяв у дежурного учителя пропуск в библиотеку, мы направились к главному корпусу учебной части.

¹⁵ Лакросс – контактная командная игра с клюшкой и мячом.

– Зачем нам в библиотеку?

– Рядом с ней, в коридоре, – испорченные шкафчики, – объяснил я. – Так сказал директор Патни. Хочу посмотреть на них.

– Я совершенно точно знаю где, – сказала Маргарет. – Тори все мне рассказала об этой истории.

Она подвела меня к шеренге желтых шкафчиков, поставленных двумя ярусами. Было сразу видно, какие пострадали от суперклея: на них навесили новые защелки, которые блестели сильнее, чем на других. Ни на одном из пяти не имелось замков.

– Тори сказала, что пришлось высверлить дверцы, чтобы достать вещи, и все девочки получили новые шкафчики внизу, в коридоре девятого класса.

– А ты знаешь, который из них чей? – спросил я.

– Нет. Но знаю, что Тори и Люси выбрали соседние, поэтому, наверное, вот они.

Маргарет ткнула пальцем в единственную пару примыкающих друг к другу шкафчиков с новыми ручками. Ни на одном не было замков, так что я открыл дверцы и заглянул внутрь. Оба были пусты.

– Их ведь починили, – сказал я. – Так почему девочки не перебрались назад?

– Не захотели, – ответила Маргарет. – Новые шкафчики в два раза больше по размеру. И потом, они думают, что это круто – тусить по соседству со старшими ребятами.

– Как по-твоему, другие три девочки дружат с Люси и Викторией?

– Вообще-то, я не думаю, что их самих можно назвать подругами. Ты же слышал, сколько раз Тэннер повторил свое «Лузерша Люси», и Тори ни разу не вступилась.

– Но ты только что сказала, что они выбрали себе шкафчики по соседству, – напомнил я. – Разве это не значит, что они подруги?

– Думаю, они хотели ими казаться. Но у меня такое чувство, что между ними слишком большая конкуренция. Тори постоянно упоминает о Люси.

Это у нее прямо навязчивая идея. Говорит о ней только хорошее, а голос при этом сочится издевкой. Пожалуй, они, скорее, заклятые друзья.

– Это что еще такое?

– Ну, знаешь, «заклятые» – как враги, но только друзья. Ты что, раньше этого словосочетания не слышал?

– Нет. В нем же никакого смысла. Вы либо друзья с кем-то, либо враги. Одновременно и тем и другим быть нельзя.

Маргарет покачала головой:

– Типичный мальчишка! Девочки гораздо сложнее. Люси и Тори – самые заметные девочки в седьмом классе, так что им приходится поддерживать какие-никакие отношения. Они, как мировые сверхдержавы, только на уровне средней школы. Делают что-то вместе, но соревнуются друг с другом. Подруги-враги. Заклятые подруги.

– Но мы с тобой тоже иногда соревнуемся. – Я припомнил накал наших настольных игр. – Отсюда следует, что мы заклятые друзья?

– Вовсе нет! – воскликнула Маргарет. – Мы же с тобой – *закадычные*. Это совершенно другое.

С минуту я соображал:

– Как такое возможно: я знаю три языка, но до сих пор не понимаю по-девчоночьи?

– Загадка. К счастью, у тебя есть я, и я могу тебе переводить.

Что-то в левом шкафчике привлекло мое внимание.

– А это что? – Я указал на заднюю стенку, на которой были начерчены три полосы, каждая примерно десяти сантиметров в длину.

Две лиловые полосы и между ними – зеленая. Ниже написано «Как-как».

– Не знаю, – сказала Маргарет. – Что-то типа украшения?

– Странный способ украсить свой шкафчик, – заметил я. – Обычно приклеивают фотографии или что-то в таком роде. Но «Как-как»? Какой в этом смысл?

– Такое чувство, что я сегодня уже где-то видела эти цвета, – проговорила она.

С мгновение я смотрел на полоски, а потом признал:

– Я тоже.

Мы постарались напрячь память, но ничего не вышло.

– Итак: у тебя есть какие-нибудь подозреваемые? – спросила Маргарет.

– Не знаю. Как насчет Виктории? Может она быть одной из подозреваемых?

– Зачем ей утруждаться? – отозвалась Маргарет. – Она же практически хозяйка этой школы. Ее миньоны ей в рот заглядывают. Для чего связываться с этим хулиганством? Не могу представить, чтобы она что-то выиграла, превратясь в Локи. А потом – зачем Виктории собственный-то шкафчик портить? Она же не могла знать, что взамен получит другой, получше.

– Классическое запутывание следов, – заявил я. – Стань жертвой – и тебя никто не заподозрит. Идеальное прикрытие.

– Ну, если так, то это могла проверить и Люси, – предположила Маргарет. – Ты ходил за ней почти весь день. Видел какие-нибудь признаки того, что она может быть Локи?

– Ни единого, – отозвался я. – Я же говорил: она тихоня.

– Ничего хоть капельку подозрительного?

– Ну не знаю, можно ли считать это *подозрительным*... – неуверенно проговорил я.

– Ага! – обрадовалась Маргарет. – Ты вспомнил о ТЕМЕ!

– Я и не забывал. Просто заметил в библиотеке кое-что и не придал этому значения – но, может, зря.

– И что же это?

– Люси всегда спешит. Она ни разу не остановилась в коридоре. Ни разу не подошла к шкафчику. И она всегда приходит в класс еще до звонка.

– Хорошо, значит, она пунктуальная, – заключила Маргарет.

– Вот именно. Но в трех отдельных случаях она прошла мимо библиотеки, хотя это не было по пути.

Похоже, Маргарет мое наблюдение не впечатлило.

– Знаешь, Флориан, не все разделяют твою навязчивую страсть к срезанию и поиску кратчайших маршрутов.

Мы дошли до библиотеки, и я обдумал ее реплику.

– Ты права, – сказал я. – Но, по-моему, *она* – разделяет. Так зачем надо было ходить этой дорогой? Что она искала? Она ни разу не остановилась здесь: просто шла, глядя налево.

Маргарет покрутила в голове эту мысль:

– Наверное, это было что-то на доске объявлений. Или она смотрела в окно библиотеки. Или – на стенд с кубками.

Доска объявлений была завешана листками бумаги с сообщениями о научной ярмарке, о прослушиваниях на школьный концерт и об экскурсии в Центр Кеннеди. Ничто не казалось каким-то особенным или сверхинтересным.

– Ну не смешно ли? – сказала Маргарет. – Тут все совершенно. Даже листки на доске припилены абсолютно ровно. Это не школа, а какая-то декорация для кино.

– С кубковым стендом дело еще хуже, – заметил я. – Кажется, они выиграли все чемпионаты в истории Вашингтона.

Качая головами, мы оглядели награды. Здесь были кубки, таблички, медали и почетные ленты со всех возможных спортивных мероприятий: от регби и волейбола до бега по пересеченной местности. Маргарет уставилась на один из призов.

– Это за прошлогодний чемпионат округа по футболу, – кисло сказала она. – В полуфинале мы продули «Сидуэлл Френдс».

– И сколько времени тебе потребовалось, чтобы с этим смириться? – поинтересовался я.

В ответ она вздернула бровь:

– С чего ты взял, что я смирилась?

Я снова посмотрел на трофеи. Мало того что здесь их были целые тонны, так каждый еще и лежал идеально ровно и сиял как новенький. Потому-то я и заметил то крохотное пятнышко.

– Что это? – Я ткнул в него пальцем.

– Боже милостивый, это что: грязь на стенде для кубков? – театральным голосом провозгласила Маргарет. – И как только горничные такое пропустили?

– Ты прикалываешься, но мысль верная. Все остальное стерильно. А тут – это. – Я прикоснулся к субстанции кончиком пальца: – Липкое.

– Фу-у-у-у-у! – протянула она.

Я соскреб немного и понюхал:

– Если ты сейчас это лизнешь, я пойду искать себе нового закадычного друга.

В шутку я поднес палец ко рту, затем улыбнулся:

– Я, конечно, сумасшедший, но не настолько.

Но, прежде чем мы смогли еще более тщательно изучить грязь, наше вынюхивание внезапно прервали. По коридору эхом раскатился звонок. Сперва я подумал, что перемена закончена, но поело в другом.

Кто-то врубил пожарную тревогу.

Глава седьмая

Настоящая магия

Сирена продолжала реветь, даже когда все ученики собрались на футбольном поле, на безопасном расстоянии от школы. Большинство сбивались в группки или копались в мобильных, но Маргарет застыла, словно загипнотизированная темно-зеленым покрытием с логотипа «Чатэмских кугуаров»¹⁶ по центру.

– Симпатичное поле, да? – спросил я.

– Обалденное, – отозвалась она, не отрывая от него глаз. – Я на нем один раз играла. Это специальная смесь переработанного пластика, под ногами оно как свежестриженная трава. Даже посреди зимы. Когда идешь в атаку, оно твердое, но, если свалишься, колени о него не обдерешь. Можно сказать, оно идеально.

Окинув ее тяжелым взглядом, я поинтересовался:

– Так мне уже стоит начать волноваться по поводу твоего перевода в эту школу?

– Никогда, – уверенно заявила она. – Я – Викинг школы Дил, а в старших классах стану Тигром Уилсона. Как и ты.

– Уверена? Ты могла бы примкнуть к Королеве Виктории и войти в круг чатэмской знати.

– Ты же знаешь мои принципы, – сказала Маргарет. – Верность превыше статуса.

Я рассмеялся. Отчасти потому, что это прозвучало забавно, а отчасти потому, что это было правдой. Таких вещей Виктории не понять. В ее мире то, что дороже, – по умолчанию лучше, а ценность людей определяется тем, что они способны для нее сделать. Но Маргарет – совсем иной человек. Ее верность нерушима. Поэтому-то мне стало так плохо, когда на парковку зарулила пожарная машина.

– Смотри-ка! – Увидев номер на борту, Маргарет пришла в возбуждение: – Четвертая часть!

Верность Маргарет распространялась на всю службу пожарной охраны округа Колумбия, и в особенности на пожарную часть номер четыре. Младенцем ее подбросили в эту часть, и шестеро дежурных пожарных всю ночь присматривали за ней. Она думала о них как об отсутствовавших долгое время дядюшках. И, хотя теперь в части оставался служить только один из тех шестерых, когда бы Маргарет ни видела их машину – да и любую другую пожарную машину, – в ней просыпались родственные чувства.

А еще – ощущение пустоты.

– Как только закончим с этим делом, будем искать дальше, – сказала она. – Нельзя сдаваться.

– Конечно, – выдавил я, пытаясь улыбнуться. – Само собой.

Именно поэтому я так ужасно себя чувствовал. Она хотела продолжать поиски своих настоящих родителей. И я никогда не смог бы ей рассказать, что уже нашел их. По крайней мере – отца. Он оказался крупным преступником, известным под кличкой Ник Нож. Ему пришлось оставить Маргарет, чтобы оградить ее от такой жизни, и, когда мы с ним столкнулись лицом к лицу, он предупредил: если его дочь узнает правду – она окажется в опасности.

Так что теперь я ощущал себя не верным другом, а заговорщиком.

– Где-то там живет Том Мансон, – сказала она. – Я знаю, мы его отыщем.

Том Мансон был одним из тех шестерых, и на его след нам выйти не удалось. А еще это именно он открыл дверь человеку, который принес младенца. Маргарет казалось, что, если мы его найдем, она получит какие-то ответы.

¹⁶ Кугуар – горный лев, то же, что и пума.

– Разумеется, отыщем, – заверил я, стараясь, чтобы эти слова прозвучали так, словно я в них верю.

Маргарет улыбнулась, а я почувствовал себя худшим другом в мире. В неуютной тишине я попытался сообразить, что бы еще сказать, – и тут мы увидели черный «универсал» с наглухо затемненными стеклами – он катил по подъездной дорожке в другую от поля сторону. Машина, явно правительственная, очень спешила покинуть кампус.

– Ты только погляди, – заметила Маргарет, когда «универсал» миновал пост охраны и вырулил на улицу. – Как думаешь, это Секретная служба повезла твою девчонку куда-то?

– Прежде всего, она не *моя девчонка*, – заметил я. – И вряд ли это она. Люси сказала, что мы встретимся перед алгеброй. Зачем было договариваться, если она собиралась уезжать?

– Может, она этого не планировала, – сказала Маргарет. – Может, это чрезвычайная ситуация. Прибавим ее к цветным полоскам в шкафчике и грязи на стенде для трофеев.

– Небогатый урожай зацепок, – признал я.

– А пожарная тревога? – спросила она, поворачиваясь к школе. – По-твоему, работа Локи?

– Локи или... Тэннера.

– Это еще почему? – Маргарет покосилась на меня.

– Он жутко разволновался из-за этого теста по алгебре на следующем уроке.

– Ты серьезно думаешь, что он врубил тревогу только для того, чтобы съехать с тестирования?

– Это не кажется мне чем-то невероятным, – заявил я. – Но, признаю, я могу быть необъективен по причине тотальной неприязни к задирам.

Маргарет помолчала с минутку, прежде чем заметить:

– Знаешь, мне так хотелось вскочить из-за стола и поставить его на место.

– Знаю, – отозвался я. – И ценю. Но ты не можешь все время меня спасать.

– Верно. Только если ты хочешь стоять за себя сам – тебе реально надо стоять за себя. Не позволяй парням вроде него садиться тебе на голову. Ты же Флориан Бэйтс, секретный консультант ФБР, – это в разы круче, чем все, чего он за целую жизнь достиг.

– Ага, но, как ты сама сказала, это *секрет*, – ответил я. – Так что об этом никто не знает.

– Я знаю, – возразила она. – И, что еще важнее, *ты сам* знаешь. А на всех остальных плевать.

Наверное, Маргарет и вправду казалось, что ничего особенного тут нет, но лично у меня с задирами всегда были трудности. Думаю, оттого, что на базовом уровне я их не понимаю. Зацепки, которые я замечал, и тайны, которые решал, заставляли выстраивать логические цепочки. Но в поведении людей, которые грубят другим просто потому, что могут себе это позволить, я ничего логичного не вижу.

Из рации стоящего неподалеку замдиректора слышались голоса, и мы стали пробираться сквозь группки учеников, чтобы разобраться, что говорят.

– Мы уже знаем, где именно она сработала? – спросил голос, похожий на директора Патни.

– В Центре исполнительских искусств, – ответили ему. – Задний коридор.

Маргарет глянула на меня и прошептала:

– Это не туда пошла Люси?

– Кафетерий там тоже близко, так что туда и Тэннеру было легко попасть.

Минуту спустя мы увидели Патни, идущего в сторону Кеннеди-центра в компании одного из пожарников. Недолгое время спустя сирена наконец замолчала и по рации передали, что все чисто.

Когда мы возвращались в школьное здание, Маргарет сказала:

– Тебе не понравится, но у меня появилась теория.

– Какая?

– Локи – это Люси.

Я посмотрел на нее искоса:

– Я догадался, что ты именно это хочешь сказать. Какова твоя логика?

– ТЕМЕ, – ответила Маргарет. – Посмотри на мелочи. Сервер хакнул кто-то из оркестра. Она – из оркестра. Пожарную тревогу врубили из Центра исполнительских искусств. Она была там.

– Этого маловато.

– Просто теория, но ты подумай. Сорок пять минут тому назад она сказала, что перед алгеброй встретится с тобой у кафетерия. А сама в спешке покинула кампус. Что случилось в промежутке между этими событиями? Чрезвычайное происшествие с виолончелью? Нет. Пожарная тревога – вот что случилось. А что сказал Маркус про главный приоритет в работе Секретной службы?

– Защищать Люси.

– Верно. Может, они знали, что это она врубила тревогу, и вывезли ее из кампуса, пока это не обернулось большими проблемами. Может, они защищают ее от неприятностей.

Готов признаться: я не хотел, чтобы это была Люси. Но даже с поправкой на мою предубежденность в рассуждениях Маргарет имелись слишком большие пробелы.

– Мы даже не уверены, что она сидела в том «универсале», – сказал я. – В школе уйма детей важных шишек. Это мог быть кто угодно.

– Посмотрим, появится ли она на уроке, – многозначительным тоном предложила Маргарет.

– Посмотрим, – откликнулся я, стараясь казаться увереннее в своей правоте, чем был в действительности.

На алгебре мы уселись рядом, и, когда после звонка Люси не появилась, Маргарет повернулась ко мне с преувеличенным изумлением на лице и прошептала:

– О нет, такого я не ожидала!

Через несколько минут, когда выяснилось, что тестирование откладывается, поскольку на пожарную тревогу ушло слишком много времени, я вернул ей должок.

– Чего именно? – шепнул я точно с таким же удивленным выражением. – Что тревога сработает как средство избавиться от теста?

Учитель недобро посмотрел на нас, и до конца урока мы сидели тихо. После занятий мы решили проверить место преступления – то, где врубили тревогу. Поскольку у Маргарет были уроки музыки в Кеннеди-центре, она показала мне дорогу.

– Красивое здание, – заметил я, входя внутрь.

– Еще какое, – согласилась она. – И все остальное здесь – тоже.

В ЦИИ, как здесь звали центр, были концертный зал, вторая площадка поменьше под названием «черный ящик» и комнаты для занятий, отведенные для хора, оркестра и музыкальной группы.

– Тревога сработала в заднем коридоре, – сказала Маргарет. – Это вон там.

Она открыла дверь, и мы очутились в длинном коридоре, который изгибался дугой позади репетиционных комнат, соединяя их с закулисной частью концертного зала. Коридор предназначался для доставки людей и инструментов на сцену.

Кнопка пожарной тревоги висела посередине коридора, утопленная в небольшой нише с питьевым фонтанчиком и служебной дверью с надписью: «Электрощитовая ПАК-1». Мы с Маргарет опешили, внезапно увидев пьющего из фонтана мальчика, – до сих пор ниша скрывала его от наших глаз.

Мальчик был азиатом, примерно моего роста. Темно-карие глаза обрамляли очки в тонкой оправе. Помимо школьной формы, на нем была бейсболка с логотипом «Балтиморских иволг».

– Привет, – сказал мальчик.

– Привет, – хором отозвались мы.

За этим последовал неловкий момент, когда все трое просто столбами стояли на месте. Нам нужно было обследовать место преступления, но мальчик, уже утоливший жажду, явно никуда не торопился.

– Я Юнь, – наконец сообщил он.

– Рад знакомству, Юнь. Меня зовут Флориан.

– Маргарет, – представилась моя напарница, протягивая руку: – Приятно познакомиться.

– И мне тоже, – ответил Юнь.

Еще несколько секунд стояния столбами. Я огляделся и обнаружил, что под кнопкой пожарной тревоги кто-то нацарапал маркером «Локи». Мы обменялись взглядами, а Юнь привалился спиной к стене и принялся таращиться в свой мобильник. Уходить он не собирался. В результате Маргарет и я продолжили общаться друг с другом.

– Чем он тут занят? – шепнула она.

– Без понятия.

– Ты видел имя под кнопкой?

Я кивнул:

– Локи вновь атакует!

Выходя обратно в главный коридор, Маргарет спросила:

– Люси сказала, что идет в репетиционную комнату?

– Да.

– Они здесь, – она двинулась к сдвоенным дверям, над которыми висела табличка «Оркестр». – Давай взглянем.

Мы зашли в просторное помещение со стульями и подставками для музыкальных инструментов, выстроенными полукругом. Двери по бокам вели в помещения и кабинеты поменьше. Черные кофры инструментов были аккуратно разложены на полках на двух стенах. Инструменты покрупнее, вроде бас-барабана, арфы и пианино, теснились сзади. Над четырьмя дверями в задней стене висели таблички с надписью: «Репетиционная комната» и номерами от одного до четырех.

– Здравствуйте, мисс Алло, – сказала Маргарет учительнице, которая выравнивала подставки для инструментов.

– Неужто это наш новый пианист? – отозвалась та.

– Это мой друг, Флориан, – объяснила Маргарет. – Он второй ученик по обмену из Дил, и я просто показываю ему тут все, – она повернулась ко мне: – Мисс Алло отвечает в школе за музыкальное образование.

– Добро пожаловать в Чатэм, – произнесла мисс Алло. – Ты играешь на чем-нибудь?

– Нет, – слегка смутился я. – В прежней школе я пел в хоре, но инструменты мне никогда не давались.

– Начать никогда не поздно, – заметила учительница. – У нас есть уроки и для новичков.

– Ну, возможности тут замечательные.

– Спасибо. В прошлом году мы провели преобразования и очень довольны результатом. Из какой-то репетиционной комнаты слышалась прекрасная виолончельная мелодия.

– Ух ты! – восхитился я. – Кто-то здесь очень неплохо играет.

– Вообще-то, – отозвалась мисс Алло, – этот «кто-то» играет просто изумительно и практикуется уже несколько часов, готовясь к большому выступлению на следующей неделе.

На моем лице начала расцветать улыбка: я подумал, что это вполне может объяснять исчезновение Люси. Вероятно, она занималась тут все это время.

Я шагнул ближе, прислушиваясь, и только сейчас заметил, что в помещении есть еще кое-кто. За столом тихо сидела женщина, разлиновывая бумагу. На нас она даже не взглянула. Просто продолжала работать.

Когда я собирался что-то ей сказать, музыка внезапно стихла и дверь репетиционного зала отворилась. Увидев, кто оттуда выходит, мы с Маргарет переглянулись в полном ошеломенении.

Это была не Люси.

Это был Юнь.

Что грубо попирало всякую логику. Как он мог оказаться внутри маленькой комнатки для репетиций и практиковаться там «уже несколько часов», если всего несколько минут назад мы видели его в заднем коридоре?

Глава восьмая

Юнь

Это был лучший из всех магических фокусов, которые я когда-либо видел.

Мы слышали звуки виолончели в примыкающей репетиционной комнате с того мига, как шагнули в зал для оркестра. Но прямо перед этим столкнулись с Юнем в коридоре. Он никоим образом не мог войти в зал незамеченным нами. А даже если бы как-то ухитрился, то все равно не успел бы начать играть еще до нашего появления. Вспомните к тому же, что мисс Алло заверяла, что он занимается здесь уже несколько часов, и вы поймете, отчего мой мозг завязался гигантским узлом.

Юнь тоже понял. Потому что, опередив расспросы, сказал:

– Привет, меня зовут Юнь. Приятно познакомиться. (И это притом, что мы только что встречались и знакомились!)

– Я знаю, как тебя зовут, – ответил я, еще более сбитый с толку. – Ты разве не по...

И тут я обратил внимание на отчаяние в его взгляде, одновременно заметив, что вторая женщина в комнате внезапно заинтересовалась нашим разговором. Она тоже была азиаткой – возможно, матерью Юня, – и мне пришло в голову, что именно ее он пытается обмануть.

Посреди предложения я сбился и срочно попытался найти замену словосочетанию «не помнишь»:

– Ты разве не по... нимаешь... что, все знают Юня... такого потрясающего виолончелиста? Очень рад лично с тобой познакомиться. Я Флориан.

Я стрельнул взглядом в сторону Маргарет, но она уже сообразила. И тоже решила не выдавать Юня – по крайней мере пока:

– Привет. Меня зовут Маргарет. Ты очень красиво играешь.

– Большое вам спасибо, – проговорил Юнь с огромным облегчением на лице. – Так рад с вами обоими познакомиться.

Женщина за столом заговорила с ним по-китайски, так что я не мог понять, о чем речь. Но после краткого обсуждения он снова повернулся к нам:

– Очень жаль, но я должен идти. Мы опаздываем на встречу.

Несмотря на то что женщина, похоже, спешила, Юнь убирал инструмент аккуратно и методично. Сперва он ослабил струны на грифе, снял их и сложил в футляр. Затем поднял виолончель, вытащил штырь, который торчал из ее нижней части, и осторожно уложил инструмент в кофр. В конце он достал тряпочку из мягкой ткани и протер деревянный корпус.

– Пыль от канифоли, – объяснил Юнь, заметив, что я наблюдаю. – Нужно стирать ее каждый раз, когда убираешь виолончель.

– Ты хорошо с ней обращаешься, – сказал я.

Он улыбнулся:

– А она – со мной.

Юнь закрыл кофр и клацнул защелками. Пока он уносил инструмент в зону для хранения, я подошел к дверям той репетиционной комнаты, которую он использовал, и заглянул внутрь. Комнатка была маленькой, примерно как три туалета. У стены стояли пианино со скамеечкой, стул, подставка для нот, а на стене висело зеркало. Других дверей или окна в комнате не было.

– Как же ты это провернул, Юнь? – пробормотал я сам себе.

На двери висел планшет с зажимом, под которым я увидел расписание. На время обеденного перерыва, когда сработала пожарная тревога, были зарезервированы три репетиционные комнаты. Одну забронировала Люси. Другую – Юнь. А третью – некто с инициалами Р. И. Б.

– Спасибо, что дали мне время порепетировать, – сказал Юнь мисс Алло, выходя из помещения следом за женщиной-азиаткой. – Увидимся завтра.

– Жду вас обоих, – отозвалась учительница.

– Всего доброго, – попрощалась женщина.

Теперь я был уверен, что это мама Юня.

– Счастливо! – хором произнесли мы с Маргарет.

Они ушли второпях, но в этом не было ничего определенно подозрительного. В особенности если у них и правда была назначена встреча.

Когда дверь закрылась, Маргарет повернулась к учительнице:

– Ничего себе! Он просто потрясающий!

– Юный гений, – отозвалась мисс Алло. – Никогда не видела и не слышала ничего подобного. Уж точно не в таком возрасте.

– Должно быть, вы очень им гордитесь, – заметил я. – Сколько он у вас учится?

Мисс Алло рассмеялась:

– Обучение Юня – не моя заслуга. Мне просто повезло заполучить его в свой класс. Он приехал сразу после начала прошлого учебного года и с тех пор учится и играет с Национальным симфоническим оркестром.

– Так вы говорите – он, ученик средней школы, играет в НСО? – потрясенно спросила Маргарет. – Ладно, вот теперь я официально в шоке.

И не одна она.

Тем вечером мы полезли в сеть и нашли десятки статей, восхваляющих удивительные достижения Юня на музыкальном поприще. В каждой статье содержалась вариация на тему его биографии: вырос в Китае, в Нанкине, там же в возрасте четырех лет начал играть на виолончели, в шесть уже сочинял музыку. И в любой заметке упоминалась какая-нибудь высокая похвала: к примеру, когда директор НСО объявил Юня «талантом, какие встречаются раз в поколение», или китайский посол заявил, что его командировка в Национальный симфонический есть «дар Китая народу Америки».

Но вот талант, который в гораздо большей степени привлек наше внимание, – способность быть в двух местах одновременно, – ни в одной статье не упоминался.

– Мы же не спятили, нет? – спросила Маргарет. – Мы точно видели его в коридоре прямо перед тем, как зашли в помещение для оркестра?

– Да, видели, – с нажимом проговорил я.

– И видели, как сразу после нашего появления он вышел из репетиционной комнаты?

– Как сейчас друг друга. И знаешь, кем это его делает?

– Оборотнем?

– Нет. Это делает его нашим первым подозреваемым.

Данное утверждение я подчеркнул, прилепив фотку Юня по центру стены, которую мы превратили в нашу «доску расследования».

– Все же я бы сказала – вторым, – заметила Маргарет. – Я пока не готова сбросить Люси Мэйс с вершины хит-парада.

Насчет порядка мы могли не соглашаться, но и я уже считал Люси подозреваемой. Ее фото я прицепил рядом с физиономией Юня. Еще я приклеил на доску собственный рисунок в стиле «палка-палка-огуречик», изображавший Тэннера (на этом портрете выражение лица у него было особенно тупое) и фото ребрышек-барбекю.

– А каким боком к делу относятся ребрышки? – поинтересовалась Маргарет.

– Третий человек, который бронировал репетиционную комнату на время обеденного перерыва, подписался как Р. И. Б.¹⁷ – Я улыбнулся собственной сообразительности. – Я просто шуткую.

– Шуткую?

¹⁷ *Rib* (англ.) – ребро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.